

Е. Л.

Е П И С К О П Ы
И С П О В Е Д Н И К И

Сан Франциско

1971

Печатается по благословению
Архиепископа ЛЕОНТИЯ Чилийского

Copyright E. L. — 1971

Manufactured in the U.S.A.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статья «Епископы Исповедники» была напечатана в 1950 г. в «Церковном Вестнике», издающемся в Париже. Предполагалось отпечатать послания отдельным изданием к 50-летию восстановления патриаршества в Русской Православной Церкви, но это не удалось. Может быть к лучшему, потому что в Журнале Московской патриархии в статьях об этом событии, а также и в других изданиях церковного характера имеются исторические неточности и поэтому полезно возобновить в памяти православных людей послания по поводу декларации митрополита Сергия таких великих святителей и исповедников нашей Церкви, как свят. митр. Кирилл, священномученик епископ Дамаскин и великий исповедник благочестивейший архиепископ Пахомий Черниговский, а также правду о церковных событиях того времени. Волею Божией мне пришлось встретиться на моем жизненном пути с епископом Дамаскиным, когда он был иеромонахом и только что назначен миссионером при киевской митрополии. Этим личным знакомством с ним я обязана тем, что в мои руки попало послание митрополита Кирилла уже епископу Дамаскину, а также послание архиепископа Пахомия общего характера, с которым епископ Дамаскин солидаризировался. Не оказалось возможным сохранить другие послания епископа Дамаскина уже мирянам, но и приведенных а также описания исповеднических подвигов этих святителей достаточно, чтобы представить какие выдающиеся святители оказались во главе Русской Православной Церкви в самый тягчайший период ее истории. Их было много,

не только приведенные мною, но не обо всех дошли сведения, как, напр., об архиепископе Амвросии, Подольском и Винницком.

Приведенные послания епископов исповедников относятся, как указано, к самому важному переломному периоду истории Русской Православной Церкви и отражают отношение к нему многочисленных представителей духовенства и мирян. Такое отношение к декларации митр. Сергия сохраняется и до настоящего времени, как это очевидно, из послания двух священников московской епархии, за которое им было запрещено совершать богослужения.

Свидетелем этого периода, могущем подтвердить достоверность этих исторических документов, является архиепископ Леонтий, тогда послушник Киево-Печерской лавры. В его келье происходили совещания недавно хиротонисанных епископов во главе с епископом Макарием, управлявшем киевской митрополией за отсутствием патриаршего экзарха всея Украины митр. Михаила, находившегося в тюрьме, а затем сосланного в Туркестан.

В берлинском бюро ПРО ДЕО материалов о преследовании церквей и вообще религии было собрано довольно много, причем разнообразных. Все они проверялись немецкими профессорами и переводились на немецкий язык. Ими же давалась общая характеристика и оценка каждого произведения отдельно. Предполагалось лучшие из них перевести на все европейские языки. Но до этого, к сожалению, не дошли. Ссылались на недостаток бумаги. Потом оказалось другое.

В работе ПРО ДЕО принимал участие польский прелат, который занимался преследованиями Католиче-

ской Церкви, причем доходили сведения до Ватикана. Немецкие пасторы тоже обнаруживали интерес к работе ПРО ДЕО и их деятельности мы обязаны появлением книги "Das Notbuch der Russischen Christenheit" в которой описывается судьба некоторых лютеранских церквей оказавшихся в пределах Советского Союза, а также деятельность митрополита Антония Храповицкого и старания помочь чем нибудь страждущей Церкви Российской.

После второй мировой войны казалось, что наступит период защиты русского Православия, защиты Русской Православной Церкви и всего христианства вообще, что будут опубликованы соответствующие проверенные материалы. Почти ничего по сравнению с размерами преследований. Точно совершенно не существовало Миланского эдикта императора Константина Великого. Только последние годы начали появляться церковные материалы на страницах НРС. Некоторые отдельно напечатанные собрания материалов нуждаются в проверке — в них попали обновленцы, которые сами принимали участие в преследованиях, и разные ошибки. Общее впечатление, что кто то мешает опубликованию церковных материалов тихо, незаметно. Просто не печатают без объяснения причин. Все на пользу московской патриархии.

Неужели нельзя восстановить ПРО ДЕО на таких же основаниях, на каких оно существовало в Берлине? Тому, что заведывавший берлинским отделом ПРО ДЕО был занят рядом других заданий и не мог сидеть целый день в своем бюро, я обязана тем, что меня взяли секретарем с обязательством сидеть целый день и я убедилась, как это было полезно, сколько интересного приходилось

наблюдать и узнавать. Конечно, в США нашлись бы возможности финансировать защиту христианства вообще и гонимого русского Православия в частности.

ЕПИСКОПЫ-ИСПОВЕДНИКИ

и патриарх Сергий.

Несмотря на мировой размах происходивших событий, смерть московского патриарха Сергия не прошла незамеченной. Его имя связано с величайшей трагедией, переживаемой Русской Православной Церковью в XX столетии. Эхо этой трагедии раскатилось по всему миру и ясно отразило наметившийся крутой поворот в сторону торжества темных сил над солнцем христианства.

Может быть наступят времена, когда будут писать историю Русской Православной Церкви в большевистский период. Тогда историки не одинаково оценят деятельность митр. Сергия, его дальновзоркость или близорукость. Политика митр. Сергия не только непротивления, но даже потворства злу, нашла, если не поддержку, то оправдание в некоторых кругах духовенства и мирян. Не все могут и хотят быть исповедниками, да еще в XX столетии. Подавляющее большинство — и верующих и неверующих, хочет жить спокойно и обеспечено. Тем не менее, почти все русские епископы и многие священники до последнего издыхания сохраняли верность Православной Церкви и отстаивали ее достоинство и неприкосновенность. Голоса этих исповедников, при всякой оценке патриарха Сергия, не должны быть ни забыты, ни обойдены молчанием.

Этих голосов было много, слишком много. После декларации м. Сергия обеспечивавшей ему советскую карьеру, ссыльные и ожидающие ссылки епископы начинали засыпать его посланиями и воззваниями, протест-

стия против принятого им курса. Доказывая неправоту административных распоряжений м. Сергия и необоснованность его надежд на возможность соглашения с большевиками, ссыльные епископы призывали м. Сергия покаяться и вернуться на единственно правильный для Церкви путь.

Необоснованность надежд м. Сергия на примирение с советской властью и сотрудничество с нею прекрасно показаны в приводимом ниже послании Черниговского архиепископа Пахомия и его брата Житомирского епископа Аверкия:

«В самом деле, можно ли вообразить советское государство в союзе с Церковью? Государственная религия в антирелигиозном государстве! Правительственная Церковь при безбожном правительстве! Это бессмыслица, это противоречит природе Церкви и советского государства: это неприемлемо, как для искренне религиозного человека, так и для честного безбожника».

В наше время мы увидели, что получилось, когда антирелигиозному государству понадобилось, если не услуги Церкви, то, во всяком случае, внешний церковный декорум для усиления своих политических позиций на мировой арене. Для проведения новой политики сотрудничества с Церковью, советское правительство учредило специальный совет по делам Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР. Состав этого совета и функции его не указаны. Но, зная советскую политику, можно, не рискуя впасть в ошибку, сказать, что в состав его входят члены партии и специалисты по церковным делам, представители разных национальностей. А «спецами» в данном случае могут быть только воинствующие безбожники и следователи НКВД по церковным делам.

При диаметральной противоположности христианства и марксизма трудно представить, в какой точке

могут соприкоснуться эти два учения. Характер установившихся между Церковью и советским правительством взаимоотношений ярко обозначился в письме Ленинградского м. Алексия Сталину по случаю вступления в должность местоблюстителя патриаршего престола. В своем письме м. Алексий наградил палача Церкви титулом «Богом поставленного вождя». Это уже совсем недалеко от помазанника Божия. Он обещал Сталину в своей церковной деятельности руководствоваться не только учением Православной Церкви, канонами и преданиями, но и «историческими указаниями» его и действовать «в полном единении» — иными словами, подчинении—с советом по делам Православной Церкви. А, если это будет противоречить одно другому? Ни святейший патриарх Тихон, ни митр. Вениамин, Петр и Кирилл подобного письма не написали бы.

Вот к какому закабалению Церкви и полному подчинению ее безбожному правительству, равносильному ликвидации Церкви, как мистического тела Христова, привела «мудрая» политика патриарха Сергия. Но об этом лучше всего скажут сами епископы.

Содержание приводимых посланий не исчерпываются, конечно, одной критикой политики м. Сергия. В них разбросано много указаний на общее положение Церкви и — ссыльных епископов.

ПОСЛАНИЕ АРХИЕПИСКОПА ПАХОМИЯ И ЕПИСКОПА АВЕРКИЯ

Это послание, не обращенное непосредственно к м. Сергию, дает исчерпывающую картину церковного положения, создавшегося в результате декларации м. Сергия советскому правительству. Написано оно было между двумя ссылками архиепископа Пахомия и перед ссылкой его брата Житомирского епископа Аверкия. Следы обоих ссыльных братьев-епископов затерялись и оба они, несомненно, погибли. Не приходится сомневаться в том, что, если бы кто-нибудь из ссыльных епископов к моменту временной амнистии Церкви был бы жив, то советское правительство так или иначе использовало бы такого епископа для своих декоративных политических и пропагандных целей. К тому же, условия жизни в концлагерях были рассчитаны и преследовали цель именно сокращения жизни ненужного балласта советской страны.

Как велико было архипастырское самосознание Владыки Пахомия, показывает хотя бы следующий факт. После гражданской войны, когда пути сообщения, как и вся страна, находились в состоянии большой разрухи, он с посохом в руке обходил свою епархию пешком. Так как левый берег Днепра, по существовавшему тогда административному делению, принадлежал к Черниговской епархии, то Владыка Пахомий, при посещении церквей киевских слободок, побывал и в Киево-Печерской Лавре.

О пребывании арх. Пахомия во второй ссылке известно, что сначала он был в Соловках, которые англий-

ские газеты того времени называли «островом смерти», а затем в октябре 1931 г. был переброшен на строительство Балтийско-Беломорского канала в Май-Губу. Находившийся там в тот период проф. Н. рассказывал, что арх. Пахомий прибыл туда уже почти инвалидом с параличем лицевых нервов. Вследствии физической слабости, он не мог быть использован на том строительстве и потому его перевели в 1932г. на инвалидный пункт в Кузему. Но и там арх. Пахомия посылали на тяжелые для него физические работы: носить воду, печь хлеб и т.п.

Проф. Н. приводит чрезвычайно характерный для архиепископа случай. Один из ссыльных профессоров работал в канцелярии концлагеря в Куземе в качестве писаря. Он должен был спешно составить список отправляемых на другой участок работы в той же Куземе. Работать пришлось всю ночь. Профессор был измучен и раздражен. Утром в канцелярию зашел арх. Пахомий и спросил профессора, знает ли он куда и когда их отправляют. Профессор резко ответил: «Вы мне надоедаете, Владыка!» — и прибавил какую то грубость. Арх. Пахомий смиренно поклонился ему в ноги, прося прощения за то, что своим вопросом привел его в состояние раздражения. Профессор смутился и, в свою очередь, просил у архиепископа прощения за свою грубость.

В личных беседах с проф. Н. арх. Пахомий нередко осуждал политику м. Сергия — более резко и категорически, чем это сделано в послании. К тому времени результаты политики м. Сергия сказывались уже как на судьбе самой Церкви, вообще, так и ссыльных епископов, в частности. Вместо обещанной легализации усиленным темпом шла ликвидация храмов и духовенства. Епископы и священники томились в тюрьмах без всякой надежды на освобождение. Высылки и аресты не только не прекращались, но даже шли все более и более усиленным темпом.

Арх. Пахомий главою Церкви признавал не м. Сер-

гия, а м. Кирилла, как это логически вытекало из распоряжения святейшего патриарха Тихона. А в местах заключения, где находилось огромное количество архипастырей, священников и верующих, образовалась как бы Церковь, главой этой Церкви ссыльных и заключенных, арх. Пахомий признавал митрополита Серафима Угличского (в миру Самойловича), который в то время, в качестве заключенного, работал писарем при женском концлагере на Май-Губе.

Перейдем теперь непосредственно к посланию.

Излагая в первой части законы советской власти, определившие положение Православной Церкви в Советском Союзе, братья епископы приходят к заключению, что, вопреки своим законоположениям, советское правительство лишило Православную Церковь легального существования. Христианская Церковь, объявленная в 312г. Константином Великим дозволенною, в России считалась легальной лишь до 1922г., потому, что с 1923 года все права Церкви властью предоставляются только обновленцам, самосвятам, т. е. отпадшим от Православной Церкви.

«Мы до сего времени не могли якобы договориться с властью, (что относится и к м. Сергию), — пишут братья епископы в своем послании, — и не пользуемся правами, якобы предоставленными законами советской республики всякой религии, и это совсем не потому, что наша Церковь контрреволюционна. Наши архипастыри и церковники миряне, томящиеся в узах изгнания и горьких работах, совсем не занимались какой-либо противоправительственной деятельностью. Теперь это уже известно всем. Истинная же причина скорбных явлений заключается в коренном расхождении наших основных религиозных воззрений на мир Божий и жизнь человеческую, на цели и задачи нашего земного существования с воззрениями коммунистическими, которые полагаются советским государством в основу жизни своих граждан: то, что для нас святыня и неприкосновенная истина,

то для безбожника опиум (дурман), предразсудок, обман и шарлатанство, а, может быть, и контрреволюция — например, идея патриаршества, святые иконы, святые мощи, наши святые таинства и наши богослужения, и самая вера во Христа распятого. Так вновь подтверждается всем миром вечная правда слов великого апостола Павла: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых — сила Божия. Мы проповедуем Христа распятого для иудеев соблазн, для эллинов безумие, для самих же призванных иудеев и эллинов, Христа — Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор. 1, 18, 23-24). «Мудрость мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих. Но проповедуем Премудрость Божию, тайную, сокровенную»..., которой никто из властей века сего не познал (1 Кор. 2, 6-8). У них бог века сего ослепил умы (2 Кор. 4,4), душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому, что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому, что о сем надо судить духовно» (1 Кор. 2, 14).

Итак, союза Церкви с государством, в отношении нашей Православной Церкви и Советского Союза, быть не может по причине коренного различия в основных воззрениях той и другой стороны. Возможна лишь условная договоренность в практических взаимоотношениях исключительно на основе принципа отделения Церкви от государства.

В самом деле, можно ли вообразить советское государство в союзе с Церковью? Государственная религия в антирелигиозном государстве! Правительственная Церковь при безбожном правительстве! Это бессмыслица, это противоречит природе Церкви и советского государства, это неприемлемо как для искренне религиозного человека, так и для честного безбожника.

Между тем, эту бессмыслицу на наших глазах пытаются осуществить в действительности. Наши теперешние руководители церковной жизни, «имея некоторый

кругозор», начали проводить «новый курс церковной политики». Но этот новый путь сбивается на старые пути и сводится к попытке организовать государственную правительственную церковь, как это было в Российской Империи».

Затем начинается разбор и критика декларации м. Сергия.

«Уже в декларации митрополита Сергия и его Синода, опубликованной с издевательским и кощунственным предисловием в «Известиях» от 19.8.1927 г., среди других неудачных положений и выражений допущено такое, которое свидетельствует о затирании авторами этого прискорбного документа — границы между Церковью и государством. Как же возможно искреннему человеку безоговорочно заявить, что радости и огорчения Советского Союза, как родины нашей, являются такими же для Церкви Православной. Советский Союз есть государство и такого тождества радостей и горестей у Святой Церкви не может быть ни с каким государством, тем более с таким, которое вовсе не скрывает, что желало бы уничтожить всякую религию, вообще... Увлекаясь церковной политикой, забыли наши предстоятели наставления св. апостола: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными: ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмой? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое сочувствие верного с неверным» (2 Кор. 6, 14, 15).

Если большинство архипастырей, пастырей и мирян, прочтя эти подобные им выражения в декларации м. Сергия, не поспешили с протестом, то именно, по причине опасения преждевременным выступлением вызвать разделение в Церкви и вследствие надежды, что в своей деятельности м. Сергий и Синод поправят те ошибки, которые допущены ими на бумаге. Но, увы, действительность не оправдала наших упований; нужно иметь в виду, что вообще при союзе Церкви с государством, полагающим внешнею силою и всеми средствами чисто

физического воздействия, при малейшем нарушении идеально справедливых взаимоотношений, страдающей стороной всегда является Церковь, и даже свобода ее внутренней жизни легко нарушается при обычном стремлении последнего превратить церковно- административные учреждения в органы своего управления. Тем более государство антирелигиозное и в отношении Церкви недружественное, для которого некоторые неприкосновенные устои ее внутренней жизни и ее нравственный авторитет является незаслуживающими внимания предрасудками, конечно, церемониться не будут. Оно использует церковный аппарат (раболепный синод, поклядистых предстоятелей) в своих политических целях (совсем не на пользу святой веры) и поставит Церковь в унижительное положение. (Это было написано в 1927 году. В 1943-44 гг., мы видим точное исполнение этого предвидения. прим. Е. Л.). Принцип духовной свободы Церкви и невмешательства Церкви в политику сейчас же таким государством будет нарушен, — что мы уже видели в действительности.

Вот почему м. Сергий, поступая вопреки советскому закону*) о положении «Отделения Церкви от государства», стал на весьма опасный путь.

«...Какой же результат. Теперь уже выяснилось, что м. Сергий и его Синод попали под ужасное давление агентов власти даже внутри церковной своей деятель-

*) Арх. Пахомий и еп. Аверкий считали, что м. Сергию совершенно не следует поднимать вопроса о «легализации» Православной Церкви, на основании советского закона об отделении Церкви от государства требовать проведения этого закона в жизнь в отношении Православной Церкви. На этой же точке зрения стояли все ссыльные епископы. Митрополит Сергий допустил абсурдное положение: своей декларацией он, как бы признал, что Православная Церковь действительно не имеет права на легальное существование и он предлагает условия, уступки, на основе которых советская власть может легализовать положение Церкви в советском государстве. Вот как надо понимать в данном случае это выражение: «поступая вопреки советскому законодательству...»

ности. Так, назначение и перемещение епископов совершается при чрезвычайно близком участии советской власти, на местах административные и охранные органы наблюдают за тем: принимаются ли населением присланные Синодом м. Сергия архиереи (православные архиереи являются к своим пасомым под защитой милиции); возносятся ли имя м. Сергия на богослужениях, молятся ли за власть, — (считающие молитву шарлатанством, издевающиеся над ней). Непризнающие м. Сергия церковные деятели уже ссылаются в Соловки, где количество архиереев возрастает с каждым годом; и даже вопрос о размещении и перемещении клириков в священнослужении решается больше советской властью, чем церковной. Архиерейские кафедры, вопреки указаниям Собора 1917-18 гг., десятками закрываются, чем ослабляется Церковь, а назначенные архиереи, прибывая на места, обязаны предварительно докладывать в известных правительственных учреждениях (имеется в виду ГПУ, прим. Е.Л.), свои намерения и планы церковной работы и получать руководящие указания. Теперь власть гражданская не имеет нужды своими средствами устранять неудобных ей церковных деятелей, она отдает об этом приказ (тайный) Синоду или местному архиерею.

Митрополит Сергий является полным рабом, послушным орудием в руках известных нам лиц, представителей отдельных советских учреждений (ГПУ, прим. Е.Л.) и утратил вполне свой морально-церковный авторитет, вопреки слову апостола (2 Тим. II, 15), ибо за каждым его даже церковным распоряжением, нам запуганным и подозрительным, мерещится внушение от «внешних». Сверх того, наш церковно-административный аппарат ставится в nepозволительную близость с охранными органами советской власти, чего никогда в истории Церкви не бывало и допущено быть не может. Словом, такого унижения и оплевания Святая Церковь еще не переживала.

Так заповедует нам святой апостол Павел: «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистить банею водной посредством слова, чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющей пятна или порока или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна (Ефес. V, 25-27), как невеста Христова. Не унижайте же святой Церкви, не грязните ее непорочных одежд.

Святая Церковь может быть подвергнута внешним бедствиям: гонениям и стеснениям, но отказаться от своей духовной свободы и достоинства не может, напротив, в бедствиях она еще более внутренне просветляется и непрестанно обновляется (2 Кор. IV, 16-17). Таков закон духовной жизни и отдельного христианина и всей Церкви Христовой, почему узы и скорби мы понимаем, как милость Божию, ибо увенчивает за них Господь верных Своих рабов. (2 Кор. IV, 17). Но на унижение Святой Церкви, на попрание ее внутренней свободы, Церковь никогда не согласится. Нельзя свободу Церкви и ее достоинство предавать на поприще, «чтобы не быть гонимым за крест Христов. (Гал. VI, 12), по слову апостола.

Легализация, которую стараются проводить м. Сергий и его Синод, является совершенно неприемлимой и невозможной, потому, что она противоречит советским законам (беззаконна, нелегальна), противна природе вещей, природе Церкви и советского государства, противна разуму, ибо стремится соединить несовместимое. Такая реформа не может пройти в жизнь практически, она видимо проваливается. В церковном отношении она преступна, ибо продает свободу внутренней жизни Церкви и кощунственно унижает ее святость и достоинство.

Как проект противников Церкви Божией и христианской религии, реформа м. Сергия является вполне продуманной (не им, конечно), последовательной мерой в целях разстройства Святой Церкви, разложения рели-

гиозной жизни страны. Но православный митрополит и патриарший Синод не могут поддерживать таких задач.

Но если бы в новой церковной политике м. Сергия не заключалось ничего преступного, в отношении Церкви предосудительного, то ее все же необходимо было бы отвергнуть по одному тому, что, нисколько не улучшив внешнего положения Церкви, на что она претендовала, она вызывает великое смущение и соблазн в церковном народе и вообще у большинства верующих, от иерархов до мирян.

Сердце доброго пастыря, естественно сжимается от нестерпимой скорби при виде этой потрясающей картины великого церковного разорения, наполовину произведенного рукою предстоятеля Церкви. Не нужно нам таких реформ церковных. Лучше мы все вновь и вновь пойдем в узы и изгнание, лишь бы сохранить души вверенного нам народа Божия. Ибо все дадим великий ответ за гибель чад своих. «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. XVIII, 6-7, 10). Св. апостол Павел учит: если вы лично имеете действительную духовную свободу и высшее разумение, так, что внешнее не смущает вас, и если вы даже правы в своих необычных для большинства поступках, но если эти поступки смущают немощную совесть брата, берегис, чтобы свобода ваша не послужила соблазном для немощных... И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос. А согрешая, таким образом, против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа (1 Кор. VIII, 9-13).

«Итак, будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию» (Рим. XIV, 15-20). Это говорит апостол относительно пищи, но у нас вопрос общецерковной жизни значительно важнее вопроса о пище и о наших личных поступках и соблазн в этой области получается более глубокий. «Не подавайте соблазна ни иудеям, ни эллинам, ни Церкви Божией, так как и я

угождаю всем во всём, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись» (1 Кор. X, 24, 32-33). Вот обязательное правило для всех пастырей церковных — искать не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись». —

Действительно, декларация м. Сергия вызвала брожение умов среди верующих. Одни, более равнодушные к делам Церкви, приветствовали попытку найти выход из трагического положения, в которое поставила советская власть Церковь. Другие, горячие ревнители чистоты веры, увидели в декларации митрополита попытку подменить истинную Церковь той живой или обновленческой Церковью, которую насаждали большевики в 1922-23 гг., и, к которой тогда ненадолго примкнул и сам м. Сергий. Ревнители православия склонны были отойти от Церкви, возглавляемой м. Сергием, как казалось, временно, и признавать м. Петра, заброшенного в глухую деревушку, где то на севере Сибири в безрочную ссылку. Поскольку м. Петр был жив, теплилась надежда на то, что все-таки голос его будет услышан и линия церковной политики выпрямится. Вот, что пишут о митрополите Сергие и его власти распоряжаться церковью братья-епископы в своем послании: —

«Главное каноническое основание законности власти в Церкви Русской и м. Петра, и м. Сергия (на время отсутствия м. Петра) заключается в том, что как тот, так и другой, были признаны и поддержаны в своем временном положении епископатом Русской Православной Церкви в целом. Кроме того в нашем вопросе важно вспомнить некоторые личные качества Сергия.

Безукоризненный монах, скромный, благоговейный архипастырь, глубокий церковный мыслитель, автор

богословской книги возвышенного отеческого духа «Православное учение о спасении», добрый воспитатель духовного юношества в духовных академиях и весьма полезный церковный деятель, которого мы все так чтили и любили. Правда, в практической своей деятельности м. Сергей при слабости воли всегда имел нужду опираться на более сильных волей своих друзей. Когда же эта опора отнималась от него почему-либо, он начинал часто колебаться и делать ошибки безволия, (Увы, в 1922 году м. Сергей дошел даже до признания Высшего Церковного Управления*). В настоящее время м. Сергей не только намеренно лишен своих друзей, но и окружен определенным подбором людьми, вошедшими в его Синод не по его выбору. Под влиянием этого нового окружения и давления от «внешних», после неоднократного заключения в московской «внутренней тюрьме», м. Сергей принял свой новый «курс» церковной политики, которую после продолжительного сопротивления, наконец, признал «правильной» и обязательной для христианина и отвечающей нуждам Церкви.

Несомненно далее, что в этом своем предприятии м. Сергей не ставил себе злостных целей в отношении Святой Церкви. Конечно, он надеялся достигнуть мира в церковной жизни, освобождения заключенных. Словом, доверчивый человек уповал устроить (когда он выполнит предъявленные ему требования и будут исполнены данные ему обещания) внешнее благополучие Церкви, ожидал от того и внутреннего благоустройства религиозной жизни.

Самый принцип задачи м. Сергея — приведение внешних форм церковной жизни в согласие с современными общественно - политическими условиями, как истинная легализация, является в сущности, правильным и, повторяем, по апостольскому наставлению и духу. Но слабовольный, хотя и незлонамеренный наш Предсто-

*) Высшее Церковное управление было организацией живистов, назвавшихся впоследствии обновленцами.

атель, подвергаясь настойчивому внешнему воздействию, не удержался в церковных границах сего принципа, переоценив значение для религиозной жизни внешних условий, и средствами для своей правильной цели избрал не исповедание церковной истины, а личную хитрость, неискренность, политиканство. Поднявши такое неподходящее в церковной деятельности оружие, м. Сергей сам от него пострадал, ибо сыны века сего всегда бывают искуснее сынов света в пользовании этим оружием.

Но понадеялся м. Сергей на свою мудрость, на мирские средства вместо того, чтобы всецело уповать на милость и помощь Божию, на силу истины Христовой, вооружившись подвигами чистоты и исповедничества и постоянной готовности терпеть скорби и гонения, каковыми подвигами верующих Церковь Божия украшается и вечно обновляется, а не радостями жизни, как проповедают обновленцы. А мирские средства борьбы, как негодные для христианского духовного деятеля, апостол Павел совершенно отвергает и осуждает. Он бичует даже тень лицемерия (Гал. II, 11-14), заповедует всем христианам отвергать ложь, говорить истину каждый «ближнему своему» (Еф. IV, 25 и Кол. III, 9).

Митрополит Сергей, устанавливая взаимоотношения Церкви и советского государства, практически уклонился от основной правильной идеи, определяющей эти отношения и, избрав мирские методы деятельности, нарушил традицию Православной Церкви относительно церковной политики, в то же время не удержался и на почве советского закона. А на таком неистинном основании, что доброе может быть воздвигнуто? Но принципиального отступления от Истины, веры и Церковного учения м. Сергей не допустил и канонического строя Церкви не нарушил. Во всяком случае, грех его не догматического и не канонического характера, а практической слабости и практических ошибок, неправильного направления церковной политики, административных дей-

ствий. А так как его политика оказалась в результате вредной и унижительной для Церкви Божией, то ее нужно изменить, исправить или же убрать неудачного администратора, может быть, наложить на него эпитимию, но не отлучать от Церкви, как апостата, не разрывать с ним канонического общения, прежде соборного суда, как с еретиком и раскольником...

Хотя в настоящее время собрать полный собор епископов для обсуждения общих вопросов (в том числе и вопроса об общественной политике и отношения Церкви к государству) нет возможности, но подать свой голос архиереи могут при наличии ошибок и непреемлемых действий предстоятеля, уже достаточно выяснившихся, они даже обязаны выступить и могут даже потребовать от предстоятеля, чтобы он исправил ошибки и оставил ложный путь мирских ухищрений в церковном деле...

Объявить преждевременный разрыв с предстоятелем или уклониться от участия в церковном управлении, уйти на покой — это значит, оставить свою паству во время бедствий Святой Церкви, отойти в сторону, уступая место противнику — лишь бы не запачкать своих чистых одежд среди общего смятения и утешать себя тем, что мы непричастны греху предстоятеля. Но ведь мы тем совершаем грех безчувствия в скорбях и страданиях Святой Церкви, тогда как ответственность за церковную жизнь с нас не снимается. В древние времена церковных бедствий многолетний отшельник оставляет пустыню, чтобы послужить умиротворению страждущей Церкви. Святой апостол Павел поборает в себе пламенное желание соединиться через смерть со Христом в небесных обителях, чтобы жить в скорбной плоти для пользы своей паствы (Фил. I, 21-26).

Очень многих архипастырей, претерпевших современные испытания или отбывающих свои узы, нам приходится встречать до их уз и после, и не однажды и в узлах беседовать с ними лично или переписываться, и мы с полной твердостью можем заявить, что одобрения делу

м. Сергия, как оно теперь протекает, они никогда не дадут. Напротив, все дружно высказываются почти одними и теми же словами, что они скорбят и смущены весьма, хотя и не находят возможным разрывать общения с м. Сергием.

Но почему же они не подают своего голоса, не заявляют протеста? А потому, что они изолированы, а вследствие того недостаточно осведомлены и не решаются окончательно высказаться без достаточных данных, тем более, что знают, какое значение будет придано их отзыву. Узникам известна лишь из печати декларация м. Сергия, и она то вызывает смущение, скорби, опасения за жизнь Святой Церкви. А как на деле проводится ее реформа — откуда могут знать заключенные и ссыльные в тундрах Сибири и болотах зырянских.

Если же временный заместитель патриаршего местоблюстителя будет упорствовать в своей затее и не освободит своего поста, то мы уйдем от них всею Церковью, ибо епископат имеет право и основание лишать их тех полномочий, которыми он же облек их к созиданию, а не разстройству (2 Кор. X, 8), церковной жизни. Безвольный и нетвордый человек не может руководить церковной жизнью в наше время. М. Сергий не сумел выполнить завета апостола: «Со внешними обходиться благоразумно, пользуясь временем» (Кол. IV, 5), внешне подклонился «под чужое ярмо» (2 Кор. VI, 14) и должен исправить свою ошибку; если же не в силах сам этого сделать, пусть предоставит другим, освободив место предстоятеля Русской Православной Церкви. Если же м. Сергий преслушает голос Церкви, будет упорствовать в своей политике и претендовать на власть первоиерарха, тогда он, конечно, окажется церковным безчинником и отщепенцем.

Верные миряне, как малые дети, стремятся грудью заслонить от поругания и грубых оскорблений свою Матерь — Святую Церковь, которая всем нам дороже жизни и свободы. Но бессильны дети. Должны высту-

пить отцы. Вы, архипастыри и Владыки, на вас возложена Господом великая ответственность за судьбы Святой Церкви, вам вверена ее защита, вы дадите ответ Господу Богу за души чад ваших духовных, за которых умер Христос. К вам обращается слово Христово: «Говорю вам, друзьям Моим, не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать, но скажу вам кого бояться: бойтесь того, кто по убиении может ввергнуть душу вашу в геену, ей, говорю вам того бойтесь» (Лк. XIII, 4-5).

Узы служителей Христовых служат к большему успеху благовествования, как и при апостоле: «большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начала с большею смелостью безбоязненно проповедовать слово Божие... Я тому радуюсь и буду радоваться, — пишет святой апостол Павел, — ибо знаю, что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа» (Фил. I, 14, 18-19). Ему да будет слава в Церкви во веки веков. Аминь».

Послание заканчивается следующим примечанием: В 1905 г. 17-го февраля в СПб Духовной Академии на молебне м. Сергий говорил речь о том времени, когда гражданский закон перестанет быть защитой и крепкой стеной для Церкви Русской. Тогда, — предсказывал наш теперешний предстоятель, — потребуют от нас не красивых фраз, не заученных силлогизмов, а духа и жизни, потребуют веры и пламенной верности, проникновенности Духом Христовым... Потребуют, чтобы мы писали не чернилами, да еще заимствованными, быть может, из чужих чернилниц, а кровью из нашей собственной груди... Ответим ли мы на эти запросы, выдержим ли это огненное искушение, устоим ли на этом поистине страшном суде. Ведь судить будет не наше благожелательное начальство, не мы сами, а судить нас будет сама Божия Церковь, сам народ православный, который вверил нам церковное дело и, который без всякого сожаления отвернется от нас, выбросит нас вон, если

найдет в нас «гроб повапленный», и «соль, потерявшую силу». Вот теперь начался над нами суд Святой Церкви. Сбудутся ли и прочие предсказания м. Сергия и, прежде всего, на нем самом?»

Нет, на м. Сергие не сбылись его предсказания. Он остался невредим среди окружающей его бури. Безучастно, равнодушно смотрел он на то, что делалось вокруг него. Под ударами молотков падали вековечные незаменимые святыни православия на Русской земле. За полярным кругом и в песках Туркестана исчезали те, кого он знал, с кем учился, с кем предстоял пред алтарем, кто, идя на Голгофу, бросал ему упреки в измене Церкви. Он все пережил, даже свою декларацию, которая осталась клочком бумаги.

Также исчезли в советских даях братья-епископы: архиепископ Черниговский Пахомий и епископ Житомирский Аверкий. От них осталось только это послание. Кто внимательно прочтет его, вдумываясь в каждое слово, ясно представит и их страдания и их пламенную веру, и непоколебимую стойкость. Тем выше их подвиг, что впереди они видели все более и более сгущавшиеся тучи и нараставшую великую бурю, собирающуюся против всего христианского мира.

ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА

Гонители христианства перебрасывали митрополита Казанского Кирилла, старейшего и виднейшего представителя Русской Церкви — прямого преемника Святейшего Патриарха Тихона, из одной ссылки в другую, каждый раз в более далекую, более суровую, более продолжительную. Настоящее послание написано было в Туруханском крае после того, как до епископов находившихся там в ссылке, дошла декларация м. Сергия. В Туруханском крае сосланные епископы были разбросаны по маленьким поселкам далеко друг от друга так, что видеться не могли. Полгода в Туруханском крае длится ночь, прерываемая только северным сиянием; полгода обитатели того края оторваны от всего остального мира: ни писем, ни газет, ни посылок. Мороз доходил до 60 градусов и более. Короткое полярное лето и мириады мучительных комаров — «гнусов»: самые примитивные условия жизни, отсутствие предметов первой необходимости, цынга... Такова обстановка в Туруханском крае, такова и в других местах ссылки за полярным кругом. И так долгие годы, без просвета, без надежды — в ожидании только вечного покоя.

Но полярная изолированность от советской действительности способствовала сохранению чистоты духа и ясности мысли. Как богоглаголивый Аввакум, стояли святители Русской Православной Церкви на божественной страже на далеком севере в надежде на воскресение своей Церкви и родины или на второе пришествие Господа.

Адресовано было это послание (от 6/19 июня 1929 года) епископу Дамаскину, находившемуся в ссылке в

том же Туруханском крае, но уже временно освобожденному и пребывавшему в то время в Стародубе.

Митрополит Кирилл разбирает, главным образом, вопрос о том; имеет ли м. Сергий право распоряжаться судьбами Церкви и менять установленный Собором 1917-18гг. и Святейшим Патриархом Тихоном порядок церковного управления.

«Христос среди нас, возлюбленный о Господе собрат, дорогой Владыка, Пресвященнейший Епископ. Много-содержательное письмо Ваше от 1/3 получил в отдание Пасхи: Воистину Воскресе Христос! Писанное Вами отцу Иоанну я читал, благодаря доброму вниманию ко мне соседа моего. И сказанное Вами отцу Иоанну и мартовское письмо Ваше меня утешило — не содержанием своим скорбным, а обнаружившимся здесь единодушием и единомыслием нашим в суждении о происходящем церковном соблазне.

По поводу этого соблазна я писал свое суждение Казанскому викарию, попуждаемый полученными из Казанской епархии недоуменными вопросами. Повторю его в извлечении и Вам, соединивши вместе и текст посланного суждения, и содержание препроводительного письма преосвященному викарию.

Недоумения по отношению к м. Сергию и возглавляемой им Церкви могли возникнуть только потому, что верующие почувствовали в административно-церковной деятельности м. Сергия превышение тех полномочий, какие предоставлены ему званием заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола. Для меня лично не подлежит сомнению, что никакой заместитель по своим правам не может равняться с тем, кого он замещает, или заменить его. Заместитель назначается для распоряжения текущими делами, порядок решения которых точно определен действующими правилами, предшествующей практикой и личными указаниями заменяемого. Никаких, так сказать, «учредительных прав, в роде реформы существующих служебных учреждений, открытия

новых должностей и т. п. не может быть предоставлено без предварительного испрошения согласия и указаний заменяемого. Коренное же изменение самой системы управления церковного, на что отважился м. Сергей, превышает компетенцию и самого местоблюстителя. Это последнее обстоятельство м. Сергей со всей убедительностью разъяснил в свое время м. Петру, по поводу решения от 1-го февраля 1926 г. — учредить для управления церковными делами коллегия под председательством архиепископа Григория. Убежденный доводами своего Заместителя, м. Петр отказался тогда от погрешительного решения. Зато сам м. Сергей через полтора года после этого успевает основательно забыть и собственные доводы, и границы доверенной ему церковной власти, и, восхищая права Собора церковного, учреждает коллегияльное церковное управление в виде тек наз. «временного патриаршего синода», приостанавливая тем действительность и обнаружение законной единолично преемственной церковной власти. Попытки прикрыться в данном деле авторитетом почившего Святейшего Патриарха Тихона совершенно безнадежны. Митрополит Сергей и его сотрудники по учреждению нового Высшего Церковного Управления не могут не знать резолюции Святейшего Патриарха Тихона от 26-го июня за №523, которой Патриарх счел благовременным совершенно прекратить дело об организации при нем Высшего Церковного Управления. Никким образом нельзя также оправдывать учреждение нового Синода и постановлениями Собора 1917-1918 гг. Установленная Собором еще до октябрьской революции и до издания декрета об отделении Церкви от государства система синодально патриаршего церковного управления начисто уничтожена в своей синодальной части последующими распоряжениями государственной власти. Объявление церковного имущества государственным достоянием с установлением новых правил договорного пользования храмами и имуществом их, уничтожение духовных и церковных школ,

учреждение государственного издательства навсегда уничтожили все объекты деятельности учрежденного Собором 1917-18 гг. Высшего Церковного Совета с находившимся в его ведении учебным комитетом, училищным советом, хозяйственным управлением, книгоиздательским, страховым и другими отделами, — и таким образом, целая половина учрежденной Собором системы церковного управления уничтожилась сама собой. Введением института гражданского брака, уничтожением епархиальных советов, изъятием из ведения Синода консисторских и синодальных архивов, ограничительными распоряжениями по отношению к проявлениям административно-церковной деятельности епархиальных архиереев, установлением новых, не предусмотренных Собором 1917-18 годов форм церковно-приходской жизнедеятельности, обрезаны до крайних пределов соборные полномочия Священного Синода. Постепенное же превращение, по физическим препятствиям для нее, деятельности всех выборных членов Священного Синода, заставили и эту половину учрежденной Собором системы церковного управления разделить участь Высшего Церковного Совета, умереть естественной смертью. Носителем и хранителем Соборной Совести для Русской Православной Церкви, в силу создавшегося положения остался единолично Патриарх. Возникшую в 1924 году попытку организовать при нем новое Высшее Церковное Управление по подобию учрежденных Собором Св Синода и Высшего Церковного Совета, Святейший Патриарх Тихон безоговорочно присек своею резолюцией от 26-го июня 1924 г. за №523, как бы зарегистрировавши ею совершившееся прекращение жизни всей синодальной части учрежденного Собором 1917-18 гг. Высш. Церковного Управления, и в этом виде только единоличного управления Церковью завещал свои патриаршие права и обязанности указанным им последовательно трем возможным местоблюстителям для хранения и осуществления сих прав и обязанностей до созыва законного

церковного Собора. Никаких учредительных прав в Церкви почивший Патриарх никогда себе не присваивал и, конечно, никому их передать не мог и не передавал, как исключительную регалию Церковного Собора.

Посему до тех пор, пока м. Сергий не уничтожит учрежденного им Синода, ни одно из его административно-церковных распоряжений, издаваемых с участием, так называемого временного Патр. Синода, я не могу признать для себя обязательным к исполнению. Такое отношение к м. Сергию и его Синоду я не понимаю, как отделение от руководимой м. Сергием части православной Церкви, так как личный грех м. Сергия относительно церковного управления не повреждает содержимого и этой частью Церкви православно-догматического учения, но я глубоко скорблю, что среди единомышленных м. Сергию архипастырей, в нарушение братской любви уже применяется кличка «отщепенцев», «раскольников» по отношению к несогласным с ним и обличающим их неправду. Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь; страшусь только приступить и прилепляться к тому, что признаю греховным по своему происхождению и потому воздерживаюсь от братского общения с м. Сергием и единомышленными ему архипастырями, так как нет у меня другого способа обличить согрешающего брата. Известные мне неоднократные попытки личных письменных братских увещаний, обращенных к м. Сергию со стороны почившего митрополита Агафангела, митрополита Иосифа с двумя его викариями, арх. Углицкого Серафима и епископа Вятского Виктора не могли вернуть м. Сергия на надлежащее место и к подобающему образу действий. Повторять этот опыт словесных убеждений было бы бесполезно. Посему архипастырям и вместе со всеми, кто считает учреждение, так называемого «Врем. Патр. Синода» погрешительным, воздержание от общения с м. Сергием и единомышленными с ним архиереями, признаю исполнением своего архипастырского долга. Этим воздержанием с моей сто-

роны ничуть не утверждается и не заподозревается якобы безблагодатность совершаемых сергианами священнодействий и таинств (да сохранит нас всех Господь Бог от такого помышления), но только подчеркивается нежелание и отказ участвовать в чужих грехах... Посему литургисать с м. Сергием и единомышленными ему архипастырями я не стану, но в случае смертной опасности со спокойной совестью приму елеосвящение и последнее напутствие от священника сергиева поставления или подчиняющегося учрежденному им Синоду, если не окажется в наличии священника, разделяющего мое отношение к м. Сергию и, так называемому Врем. Патр. Синоду. Подобным образом, находясь в местности, где все храмы подчиняются «Врем. Патр. Синоду», я не пойду в них молиться за общим богослужением, но совершить в одном из них литургию в одиночку или с участием единомышленных мне клириков и мирян верующих, если бы таковые оказались в наличии, признаю возможным без предварительного освящения храма. По моему мнению, так же может поступать каждый священнослужитель, разделяющий мое отношение к м. Сергию и учрежденному им Синоду.

Что касается мирян, то участвовать деятельно в церковно-приходской жизни приходов, возносящих имя м. Сергия за храмовым богослужением в качестве возглавляющего архипастыря, по совести не следует... Но само по себе такое возношение имени м. Сергия не может возлагаться на ответственность мирян и не должно служить для них препятствием к посещению богослужения и принятию Святых Даров в храмах, подчиняющихся м. Сергию, если в данной местности нет православного храма, хранящего неповрежденным свое отношение каноническое к Местоблюстителю Патриаршего Престола. Молиться же с м. Сергием наряду с остальными архипастырями и вообще православными христианами (запись в поминовение на проскомидии, на молебнах и т. п.), не является грехом. Это долг всех православных

христиан, пока общее церковное отлучение не объявит учиненное м. Сергием злоупотребление доверенной ему церковной власти грехом к смерти. (Мф. XVIII, 15-17, Ин. V, 16).

Некоторые подробности Вашего письма обязывают меня несколько обстоятельнее развить свою мысль о том, что никакой заместитель не может быть по своим правам приравнен к тому, кого он замещает, не может заменить замещаемого. Думать вместе с арх. Николаем, будто заместитель обладает и той полнотой власти, какую наделил Собор в 1917-18 гг. Патриарха на случай крайних обстоятельств, можно было бы с некоторыми натяжками лишь в том случае, если бы Местоблюститель, назначая себе заместителя, совершенно отрекся от своих местоблюстительских прав, чего, как всем известно, не было, и Местоблюститель не переставал себя мыслить в своем звании. Но предположим на минуту, что отречение м. Петра случилось, то и тогда м. Петр не мог бы передать свои полномочия лицу по собственному выбору, так как оба кандидата в местоблюстители, названные в Патриаршем завещании раньше м. Петра, были живы (это были м. Агафангел и м. Кирилл, прим. Е. Л.). Епископат, утверждавший Патриаршее завещание, мог воспринять его только, как указание возможных для местоблюстительства лиц, а не как новый порядок передачи Патриарших прав и обязанностей. Поэтому полномочия м. Петра, появившиеся только вследствие личных, чисто физических затруднений для м. Петра быть в общении со своей паствой, имеет случайный, частичный характер. Призвание м. Сергия к заместительству вовсе не в том заключалось и заключается, чтобы заменить свою персоною м. Петра, но лишь заместить его, дать собою тот общедоступный центр, то место, через которое мысли, желания и руководственные указания м. Петра, как Местоблюстителя, могли бы проникать в среду церковную.

Если самоличному руководству м. Сергия на первых

порах его заместительской деятельности, охотно отдались все благомыслящие архипастыри и миряне, не требуя на каждое распоряжение бланка м. Петра, то это делала не каноническая правомочность м. Сергия, а прежний авторитет его, как опытного и ученого архипастыря, к тому же проявившего похвальную ревность в деле удержания от погрешительных мероприятий, находившегося в заключении Местоблюстителя, сбитого с толку Григорьевским лукавством. В силу этого высокого нравственного авторитета м. Сергия, православное церковное сознание того периода времени воспринимало, как собственное решение и такие формально бесспорные распоряжения м. Сергия, как, например, произнесенное им прещение на епископа Бориса и др.; как бы закрывая глаза на формально-канонические дефекты этого прещения, вся православная верующая Москва разом отшатнулась тогда от своего любимца еп Бориса, почувствовав в произнесенном м. Сергием прещении ту же похвальную ревность о православии и необходимую, хотя и сверхсильную, меру церковной самозащиты.

Такой необходимости никак уже нельзя было почувствовать в обнаружившемся вдруг со стороны м. Сергия намерении учредить около себя «Временный Патр. Синод». Верующая православная совесть смутилась таким намерением, посторонилась. Но м. Сергий сумел усьпить ее заявлением, что Синод является, так сказать, служебным органом, существует только при нем. Однако, последовавшие затем распоряжения представили изумленному верующему сознанию: новоучрежденный Синод, в качестве равноответственного соправителя м. Сергия, и совместными объявлениями м. Сергия и «Врем. Патриаршего Синода», начали затем щедро расточаться прещения на всех, осмеливавшихся заподозривать церковную законность новой формы высшего церковного управления. В настоящее время м. Сергий не скрывает уже неискренности своего заявления, что Синод существует при нем и с ним падает. В беседе с Вами он прямо

заявил: «Будущие преемники мои вынуждены будут считаться с установленным мною положением в Церкви». Но в этом заявлении гораздо больше человеческой самоуверенности, чем богопросвещенного разума своего и церковного положения. Понятно после этого, что послушание м. Сергию, державшееся только на нравственном авторитете, само собой прекратилось со стороны всех искренних православных людей. Все такие сказали и в своей совести, и в слух другим, что общение с Вселенской Церковью они хранят через Местоблюстителя Патриаршего Престола, но не через его частного уполномоченного.

Для меня лично все изложенное здесь представляется достаточным прощупыванием канонической почвы под своими ногами и обращение к м. Сергию с громоздким посланием, кажется мне, не нужным преувеличением церковного значения м. Сергия и подливанием масла в огонь, самомнения и так сжигающего бедного Владыку. Недостатка в братских увещаниях по отношению к нему за эти два года не было. Но м. Сергий глух к ним. Не разслышит он и нового, хотя и более старого окрика. Поэтому достаточно, кажется мне, для личного Местоблюстительского уполномоченного частного доведения до его сведения, со стороны каждого несогласного с церковной его деятельностью, что деятельность эта идет мимо нас и поощрять своим согласием и послушанием мы не можем. Можно прямо просить, чтобы пока существует, так называемый, «Врем. Патр. Синод», м. Сергий не трудился бы присылать данному корреспонденту свои распоряжения, так как за ними, по архипастырской совести, не может быть признано обязательное значение».

Заканчивается послание следующими словами, которые звучат, как молитва:

«Дух Святы́й, всегда в Церкви пребывающий, да ведет нас сквозь горнило нынешних тяжких испытаний к вящему выявлению своей Правды, да нико́го же ума-

лимся ниже малою частию нашего упования, ниже помыслом растворимся в окружающем нас лукавстве мира сего».

Как уже было указано в главе «Послание Черниговского Архиепископа Пахомия и его брата, епископа Житомирского Аверкия», все ссыльные епископы главой Православной Церкви в 1931 г. уже признавали митрополита Кирилла, а не митрополита Сергия — тогда уже ясно было, что мирного и спокойного существования Церкви при советской власти быть не может.

ЖИЗНЬ ЕПИСКОПА ДАМАСКИНА.*)

Епископ Дамаскин, в миру Дмитрий Дмитриевич Цедрик, родился в Херсоне в семье бедного почтового чиновника. Вся семья была проникнута высоким христианским духом. Это показывает хотя бы тот факт, что брат епископа Дамаскина Николай пошел в священники и уже в самом начале октябрьской революции был расстрелян за бесстрашное исповедание веры и обличение большевиков. Несмотря на, казалось бы, скромное происхождение, наружность епископа Дамаскина настолько импонировала, что один из следователей долго убеждал его сознаться в том, что он — граф Воронцов-Дашков, родственник наместника Кавказа. Почему именно граф Воронцов-Дашков — это уже тайна следователя.

Высшее образование епископ Дамаскин получил в сельско-хозяйственном институте, который окончил со званием агронома. Впоследствии, во время ссылки в Туруханский край, это образование ему очень пригодилось. По окончании сельско-хозяйственного института епископ Дамаскин поступил в институт восточных языков в Казани. Окончив его, он принял монашество и работал миссионером при Пекинской миссии. Как рассказывали черниговцы, о его деятельности там была помещена статья в «Ниве», причем было упомянуто, что в честь иеромонаха Дамаскина его именем назвали спасательную лодку.

*)Текст более расширенный сего был помещен в парижском «Церковном Вестнике»

Где был владыка в период между пребыванием на Дальнем Востоке и появлением в Киеве, точно сказать трудно. Как то, вскользь, говоря о состоянии человека в последние минуты перед смертью, епископ Дамаскин сказал: «Я это знаю, я это испытал в Орловской или в Тульской губернии, (к сожалению точно не помню), когда меня должны были расстрелять. Больше ничего по этому поводу владыка не говорил. Вообще, он мало «разговаривал», а больше поучал или говорил о церковных делах.

Иеромонахом епископ Дамаскин появился в Киеве в 1919 г.. Киевский митрополит Антоний (Храповицкий), лично зная и ценя иеромонаха Дамаскина, назначил его епархиальным миссионером. Ни агрономический институт, ни институт восточных языков не удовлетворили жажду знаний у епископа Дамаскина, — главным образом, потому что его мысли и стремления сердца и души были направлены к Богоисканию. Поэтому он поступил слушателем в Киевскую духовную академию. Одновременно он был зачислен в число братьев Михайловского монастыря. Обладая прекрасным голосом, он принимал участие в монастырском хоре и выполнял другие монастырские послушания. Особенно выделялся его голос в песнопении «Величит душа моя Господа», как бы символизируя этим весь жизненный путь Дамаскина, бывший действительно непрерывным величанием Творца вселенной.

Не в характере епископа Дамаскина было оставаться бездеятельным и сосредотачиваться только на самом себе. Он находит маленькое Владимирское братство в одном из уютных переулков недалеко от монастыря. Что бы ни происходило на улицах Киева, — а это был период гражданской войны, какая бы ни была погода, иеромонах Дамаскин неизменно является в праздничный день в 6 час. в братство, служит молебен с акафистом, а затем произносит проповедь, даже если количество присутствующих было невелико. В один

ненастный зимний вечер при выходе из братства на улице послышались выстрелы. Дверь на улицу немедленно заперли на ключ. Через некоторое время, так как ничего не было слышно, все вместе вышли на улицу. На противоположной стороне ее на блестящем снегу отчетливо выделялась темная фигура убитого. Епископ Дамаскин заволновался: »Какие мы христиане! Около нас убивают, а мы прячемся вместо того, чтобы помочь!» Все разбежались. Кто то подобрал убитого, но много дней еще выделялись на белом снегу его очерченные кровью контуры.

Уже для этого времени для епископа Дамаскина характерно предчувствие надвигавшейся на нашу родину темной силы. В одной из первых проповедей в братстве он упомянул о «трех разговорах» Владимира Соловьева, о нем самом и его предчувствии, записанном Величко. Это чувство усиливалось по мере развития событий и нашло свое отражение в послании из Туруханского края.

События гражданской войны заставили иеромонаха Дамаскина покинуть Киев и направиться в Крым, где он скоро был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем живописного Георгиевского монастыря, взорванного в начале второй мировой войны большевиками вместе с размещенным там ими же ранеными и эвакуированными.

Монастырь этот находился в ведении Таврической епархии, а архиепископом Херсонским и Таврическим в то время был архиепископ Димитрий Абашидзе, в 1943 г. скончавшийся в Киево-Печерской лавре схимником. В царский период архиепископ Димитрий считался передовым, а до возведения в сан архиерея он был инспектором тифлисской семинарии, в которой учился Сталин. В биографиях Сталина он неизменно получал отрицательную оценку за то, что, якобы, способствовал исключению его из семинарии. На самом

деле, как раз в период исключения, архимандрит Димитрий отсутствовал в течение нескольких месяцев по случаю какой то командировки. Он очень возмущался таким обвинением, потому что отношения его с «Сосо» были хорошими, о чем можно судить потому, что к нему мало придирались, а потом после принятия схимы и вообще оставили его в покое.

Вскоре после установления советской власти в Крыму, архиепископ Димитрий и архимандрит Дамаскин были арестованы, сидели много месяцев в тюрьме, судимы и освобождены с высылкой из Крыма. Для большевиков характерно, что одним из обвинений, предъявленных епископу Дамаскину было — как смел он, будучи «служителем культа» поступить на советскую службу? Между тем, епископ Дамаскин всегда говорил, что пастыри должны быть материально независимы от паствы. Он находил идеальным положение в Греции, где, по его словам, священники и епископы имеют каждый свою профессию: они нотариусы, врачи, присяжные поверенные, адвокаты и т. д., а заработав на свой насущный хлеб, становятся священниками, епископами и т. д. (Такого положения в Греции в настоящее время нет. Е. Л.) Это соображение, очевидно, и побудило епископа Дамаскина тоже попробовать обеспечить свою материальную независимость от паствы, но в советских условиях такое намерение оказалось не только невозможным, но даже предосудительным.

Высланные из Крыма архиепископ Димитрий направился в Киев, где в в Киево-Печерской лавре принял схиму под именем Антония, а архимандрит Дамаскин в Москву к святейшему патриарху Тихону, который хиротонисал его в епископа Нежинского и Глуховского, управляющего Черниговской епархией. Архиепископ Пахомий уже был арестован. В это время, уже прошла первая волна арестов высшего духовенства и большинство епархиальных архиереев находились в тюрьмах.

Большевики исходили из положения: «Поражу пастыря и рассеются овцы стада».

Случайно в это время в Глухов ехал к своим родственникам один священник. Он рассказывал, что на ст. Орша, где была пересадка и надо было долго ждать следующий поезд — ведь это был 1923 г. и транспорт еще не был налажен, он сразу заметил в толпе высокого монаха в бархатной скуфейке. А заметив, он уже не мог оторвать от него глаз. Но подойти в этой пестрой советской толпе он не решился. Сойдя с поезда на ст. Глухов, он увидел, что монах вышел, сел на извозчика и поехал — и тотчас же по всем церквам зазвонили колокола. Тогда священник понял, что приехал новый архиерей, о котором он уже кое-что слышал.

Деятельность епископа Дамаскина в Черниговской епархии была кратковременной, но кипучей. Даровитый проповедник и миссионер, смелый и энергичный, епископ Дамаскин большую часть времени проводил в поездках по городам и селам Черниговской епархии. Но кроме Глухова и других городов своей епархии, он также посещает и такие крупные центры, как Киев и Харьков. Необыкновенный епископ всюду совершает богослужения в переполненных храмах. Посещал он и частные дома, где тайно собиралось много и простых, и образованных людей.

В первые годы после прихода к власти и окончания гражданской войны, большевики были поглощены текущими делами. Голод, общая разруха, недостаток транспорта, топлива и многого другого, отвлекали их внимание от церковных дел. Покончив с уничтожением интеллигенции, промышленников, купцов, офицеров и пр., они считали, что главная опасность ликвидирована. Отчасти этим объясняется, что открытый противник большевизма епископ Дамаскин не сразу попал в руки советской власти и хоть непродолжительное время мог разъезжать. Находчивость и неутомимость епископа Дамаскина поразительны: его ищут в одном месте, а он

уже далеко совершает богослужение. В Полтаве предстоит хиротония епископа Василия Зеленцова. Без участия епископа Дамаскина она не может состояться. Но епископ Дамаскин уже прикреплен к Чернигову с запрещением жить в других местах. Он находит выход: приезжает в Полтаву с утренним поездом, с вокзала отправляется прямо в собор, принимает участие в хиротонии, а затем с первым же поездом уезжает обратно.

Епископа Дамаскина неоднократно арестовывают в Чернигове. Ряд предварительных тюрем, где в камерах, рассчитанных на 20 человек, сидело по 70-80. Среди заключенных, как и везде незаурядный епископ пользовался известностью и уважением.

Черниговцы всегда с умилением вспоминали как выпущенный первый раз из тюрьмы под большой праздник (конечно, только потому, что в ГПУ об этом забыли), епископ Дамаскин служил всенощную. Измученный многомесячным пребыванием в заточении и допросами, владыка не мог стоять. Поэтому мировал он, сидя. В алтаре у него сделался сердечный припадок. Но это не помешало ему на другой день служить обедню, — для него не было большей радости, как совершать богослужение, причем это не обязательно делалось в храме. Всюду, где бы епископ Дамаскин не оказывался, при первой же возможности он устраивал «домашнюю церковь». Так было в Туруханском крае, так было и в других местах. Высланный перед ссылкой в Казахстан в Архангельск, епископ Дамаскин писал оттуда, что прибыл в пятницу и сейчас же по прибытии на квартире у принявшего его протоиерея служил пессию (это было великим постом). Недаром говорили, что епископ Дамаскин среди вечных снегов и в северном сиянии, как богоглаголивый Аввакум, стоит на божественной страже.

Не забыли черниговцы и того, как епископ Дамаскин из окна тюрьмы благословил многотысячную похоронную процессию, провожавшую недавно поставлен-

ного викарного епископа Ювеналия. Какой плач раздался в толпе, когда за тюремными решетками увидели любимого архипастыря!

В общей сложности епископ Дамаскин с арестами пробыл в Черниговской епархии около двух лет. Затем, по примеру других епископов, он был выслан сначала в Харьков, потом арестован и отправлен в Москву, где сидел в Бутырской тюрьме. В первые годы революции большевики иногда прибегали к такому приему, что выслали куданибудь далеко архиереев не сразу из их епархии, а сначала подбирали несколько подлежавших высылке архиереев в каком-нибудь центре, где они свободно жили и служили. Смысл этого мероприятия заключался в том, чтобы не слишком возбуждать недовольство репрессиями в отношении духовенства. Надо учесть, что в момент революции среди рабочих было очень много верующих, а в первые годы даже некоторые комиссары, т. е. доверенные люди партии, посещали храмы и на Пасху говели. Верующие рабочие принимали деятельное участие в защите храмов, выбирались в приходские советы, в делегации, отправлявшиеся в Москву в высшие органы советской власти, подписывали всевозможные заявления и попытки протестов. А с мнением рабочих, советская власть считалась. Удаление архиерея, напр. из Чернигова, и переселение его в Харьков производили меньшее впечатление, чем содержание в тюрьме на месте и высылка оттуда. Но это было до поры, до времени, пока не была организована интенсивная, растущая и охватывающая все области жизни антирелигиозная пропаганда.

Через некоторый, довольно продолжительный период времени, собранных в одном месте архиереев выслали по одиночке этапом, или просто приказывали выехать в такой то срок туда то. И уже сложился обычай, что архиереи, высылаемые не по этапу, большей частью проезжали через Москву и непременно служили торжественную панихиду в Донском монастыре на мо-

гиле святейшего патриарха Тихона. Этим они как бы подчеркивали свою солидарность с ним, верность его заветам и готовность идти по его крестному пути.

ПЕРВАЯ ССЫЛКА. ПОЛОЙ. *)

В Бутырской тюрьме в Москве епископа Дамаскина продержали несколько месяцев. Единственным его утешением в это время, как он рассказывал, было чтение Библии на английском языке, которую кто то подарил там владыке. К сожалению, совершенно неизвестны подробности пребывания епископа Дамаскина в различных тюрьмах и допросов. Он никогда об этом не рассказывал, а келейнику, который пытался расспрашивать, обычно отвечал: «А что же, там люди хорошие. Я и сейчас готов опять туда». «Люди хорошие» — это чрезвычайно характерно для епископа Дамаскина. Он всегда рассказывал: «А каких хороших людей я встречал, да еще сколько!», совершенно не замечая, что «хорошими» делало людей общение с ним.

Из Бутырской тюрьмы епископа Дамаскина выслали в Туруханский край, где местом жительства ему был указан Полой, находившийся на 250 километров севернее Туруханска и на 40° севернее полярного круга. Добраться туда можно на пароходе только в течение короткого лета, а в другое время — по замерзшему Енисею на собаках. Епископ Дамаскин выехал туда ранней осенью. Навигация по Енисею уже прекратилась, а санный путь еще не установился. Поэтому ему пришлось прожить несколько месяцев в Красноярске, большом и богатом рыбопромышленном городе на р. Енисее с многочисленными церквями и монастырями и

*) Эти сведения были получены от келейника епископа Дамаскина, добровольно прибывшего в Полой.

колокольным звоном. Появление там епископа Дамаскина произвело сенсацию. Никахи житейских затруднений он не встретил. Один из местных священников, в храме которого владыка чаще всего потом совершал богослужения, сейчас же пригласил его к себе на квартиру. Но у него было очень тесно. Не желая стеснять гостеприимного хозяина, епископ Дамаскин вскоре переехал на другую квартиру, предоставленную в его распоряжение двумя верующими женщинами. Все духовенство г. Красноярска с чрезвычайной предупредительностью отнеслось к ссыльному епископу, ожидавшему отправки за полярный круг. Монахи и монахини многочисленных монастырей этого города и его окрестностей, на которые советская власть еще не наложила свои руки, очевидно, за дальностью расстояния, сочли своим долгом побывать у епископа Дамаскина и получить его благословение. Как рассказывал келейник, епископ Дамаскин снискал такое расположение красноярских верующих, что и его, подростка, все приняли с распростертыми объятиями, когда он по дороге в Полой остановился в Красноярске. Так велико было обаяние епископа Дамаскина!

Но скоро замерз широкий Енисей и епископ Дамаскин должен был в сопровождении конвоя ГПУ отправиться в дальний путь. В длинные узкие сани с подвижным крытым верхом впрягли не то 6, не то 12 собак, остромордых, худощавых, питающихся исключительно мясом, и они с большой быстротой помчали сани по гладкой ледяной поверхности реки. По обоим сторонам реки — горы снега. Свинцовое нависшее небо. Путешествие продолжалось около шести недель.

Конвоир, красноармеец войск ГПУ, довез епископа Дамаскина до Туруханска, а оттуда уже местные власти отправили его в поселок Полой. Для дальнейшего пути по тундре конвой бесполезен!

Ко времени прибытия епископа Дамаскина в Полой он, собственно, не заслуживал названия поселка,

потому что состоял фактически из одного только двора, в котором жила семья охотника: сам хозяин, уже пожилой человек, его двое сыновей, жена одного из них и их дети. Был еще домик, в котором жили два сосланные архиерея: суровый и неприветливый архиепископ Николай и еще один «нежный и красивый», как охарактеризовал его келейник епископа Дамаскина, по имени вспомнить не мог. И, наконец, полуразрушенный домик с дырявой крышей и развалившейся печкой, с щелями шириной в два пальца в дощатых стенах — будущая келия епископа Дамаскина.

Этот крошечный поселок расположен на левом берегу Енисея. Ширина реки в этом месте достигает 5 километров. Летом, когда ктонибудь желает переправиться с того берега в Полой, на берегу раскладывают костер. Тогда из Полоя выезжают на узкой длинной лодке типа пироги. Иного способа сигнализации нет — человеческого голоса не хватило бы, чтобы покрыть это большое расстояние.

Полярное лето вместе с весной продолжается месяц. В это время тундра оживает, покрывается ковром северных ягод — морошки, черники и т.д. Но зато с наступлением лета, появляются мириады мучительных комаров-гнусов и болотной мошкары. Она облепляет лицо и проникает даже за сапоги, до крови искусывает ноги. Местные жители смазывали лицо от укусов комаров дегтем. Епископ же Дамаскин носил сетку. Настолько мучительны были эти укусы комаров и мошек, показывают следующие слова епископа Дамаскина в одном из писем: «Где же это сохранилась египетская казнь!»

Своеобразна природа тундры! Для периода летнего солнцестояния за полярным кругом характерно, что солнце всходит сейчас же после заката. Келейник, ехавший в это время на пароходе по Енисею к владыке, наблюдал замечательную картину: с одной стороны реки красное солнце погружалось в воду, а с другой немедленно всходило из воды. Летом белые ночи, точно

освещенные фосфорическим светом. Зимой морозы, достигающие до 65° и больше, около полугода — полярная ночь круглые сутки, колеблющаяся полутьма, смягченная блеском снега и густые сумерки, прерываемые северным сиянием — вдруг на небе появляется прямая или изогнутая полоса мерцающего фосфорического света, освещающего окрестность. Но это только 1-2 часа в сутки. И снег, все засыпающий, покрывающий, окутывающий, защищающий от жестких морозов, обезвреживающий широкие щели в стенах дощатых домов. Чтобы пройти из дому на реку за водой или к соседям, надо проделать в снегу коридор выше человеческого роста. А на льду реки на зимнее время ставится деревянный сарай, тоже занесенный снегом, в котором каждый день делают прорубь. И только в защищенном месте, можно делать прорубь, так как на незащищенном толщина льда достигает нескольких метров и прорубить их невозможно.

Растительность — вековые кедры на берегу Енисея и кустарники. Здесь пригодились епископу Дамаскину его агрономические познания. Он все-таки завел маленький огород и посадил зелень, которой так не хватает жителям Заполярья и из-за отсутствия которой там свирепствует цынга. Эта зелень и посылки, на этот раз спасли епископа Дамаскина от нее. Целыми стадами бегают олени, бродят белые полярные медведи.

Таковы природные и климатические условия, в которые ставили ни в чем неповинных епископов, гонители христианства. Могли ли они не отражаться на здоровье? Вот, что пишет в письме от 20.1.26 г. епископ Дамаскин из Полюя: «Милостью Божией я далеко не так болен, как вы заключили. Пожалуй, я здоровее, чем тогда, когда мы с вами виделись в последний раз. Сердце мое после стольких тюрем и всего, что связано было с сим, конечно, не в порядке. Я дважды принимался за *Nux Vomica*. Ревматизма также нет, хотя ноги (мышцы выше колен) я здорово застудил прошлой зи-

мой, когда не имел теплой одежды. «Летом» ноги давали себя чувствовать и я понимаю необходимость солевых ван, но — и только».

Принимая во внимание чрезвычайную неохоту говорить о себе епископа Дамаскина, картина получается неутешительная. Тем более, если припомнить что пишет епископ Дамаскин митрополиту Сергию по поводу положения в ссылке митрополита Петра и митрополита Кирилла, которого зимой 1925 г. провезли мимо Полоя еще дальше за полярный круг: «Известно ли Вам, например, в каких невыносимейших условиях живут два достойнейших носителя православного церковного сознания «бессрочные» патриарший местоблюститель митрополит Петр и митрополит Кирилл, оба больные и загнанные в такие условия с несомненным жестоким расчетом?» В случайно дошедшей от митрополита Петра из ссылки открытке была такая фраза: «О себе скажу, что здоровье мое изорвано, а тяжелые климатические условия далекого севера, убивают остальные силы»...

Этими словами все сказано об условиях, в которых находились ссылки епископы — в том числе и епископ Дамаскин.

Как же устроил свою жизнь в Полое епископ Дамаскин? Первое время ему и сопровождавшему его иподьякону пришлось поместиться у проживавших уже там епископов, поскольку полуразрушенный домик, освободившийся за смертью хозяина, требовал большого ремонта. А ремонт можно было произвести только весной-летом. К этому времени прибыл келейник и работа закипела. Знакомый с плотничьим мастерством, епископ Дамаскин сам заделал дыру на крыше. Научил келейника кустарным способом готовить и высушивать кирпичи. Из них вместе с иподьяконом, он заново переделал печку. Щели в стенах оставили — их лучше всего «задельвал» снег. Трудолюбивый и находчивый, епископ Дамаскин с помощью келейника же изготовил

предметы первой необходимости, а также деревянный престол, склеивая доски рыбным клеем. Воспользовавшись частицей мощей из своего наперстного креста, владыка сумел из чистого платка с начертанным на нем крестом сделать антиминос.

Почта, проходящая через Туруханск на собаках раз в месяц, привезла епископу Дамаскину несколько посылок с пшеничной мукой и виноградным вином от его многочисленных друзей и почитателей. На том месте, куда раньше не ступала христианская нога, служится каждый день литургия.

«И всех вас, близких и родных», пишет своему духовенству епископ Дамаскин, — «вижу стоящими со мной за престолом». Когда обедня служилась первый раз, присутствовать пришли немногочисленные жители Полая, не имевшие понятия о христианстве. *) Услышав церковное пение, детвора запрыгала и сама запела, так что стоило больших усилий ее уговорить.

Обедней начинался день епископа Дамаскина. После обедни он обедал, потом брал четки в руки и занимался чтением Священного Писания, полученной почтой и т. д., или поучал келейника. Потом, с четками же в руках,

*) Жители этих районов Сибири большей частью язычники, так называемые хораки, монгольского типа с длинными косами. Обладая некоторыми познаниями в области медицины, епископ Дамаскин оказывал им первую медицинскую помощь. «Медикаменты мне необходимы для других — и ближних, и дальних, ибо медицинский вопрос обстоит здесь больше, чем скверно. Я же кое что смыслю в диагностике и знаю назначение и употребление многих лекарств».

Исключительно суровые климатические условия и чрезвычайно редкая заселенность затрудняли миссионерскую деятельность. В прекрасной повести Лескова «На краю света» дана картина жизни этих инородцев и их душевных качеств. Епископ Дамаскин тоже посещал своих соседей-язычников, беседовал с ними, навещавшими их друзьями и знакомыми и с шаманами. Но какой успех могла иметь проповедь религии, представители которой подвергались преследования!

отправлялся на прогулку на берег Енисея. Благодаря чрезвычайной прозрачности полярного воздуха, с высокого берега реки открывался вид на такой далекий горизонт, что, по словам келейника, казалось, что видна даже Украина.

«Сегодня мороз более 50° по Р. Я гулял часа полтора, глубоко вдыхая иголочки чистейшего воздуха, что для меня сделалось необходимее хлеба», писал владыка 20.1.28 г.

«Мы часто сидим на берегу Енисея с мыслями и взорами, обращенными все к вам, мои дорогие!» писал епископ Дамаскин своей пастве.

После прогулки совершали вечернее богослужение. В промежутки между богослужениями производились все текущие работы, причем свои вещи владыка стирал сам и сам пек просфоры. К тому еще надо добавить, что поддерживать топку приходилось круглые сутки, чтобы не замерзнуть, благо дров кругом сколько хотите: берите любое упавшее дерево, рубите, колите и топите. Освещались коптилками с рыбьим жиром, свечами, когда их присылали, лампадками. Можно представить, сколько то и другое давало дыма и копоти и как губительно отражалось на здоровье епископа Дамаскина!

В Полое епископ Дамаскин оказался оторванным от всего совершавшегося на родине, засыпанным снегом, погруженным в полумрак, в котором перед иконами мерцали лампы, на столе горели примитивные коптилки. В тишине и полном уединении, точно заживо погребенный, почти на северном полюсе, епископ Дамаскин жил так, как могли жить затворники еще при Иоанне Грозном, как жили старообрядцы, спасавшиеся в ветлужских и заволжских лесах от реформ патриарха Никона. Он был как бы вне времени и пространства. Где времена года, когда почти круглый год зима и полгода нет солнца — мрак! Где пространство, когда кругом все засыпано снегом, почти нигде не светится огонек человеческого жилья, не слышно человеческого голоса!

Утром у дверей кельи и кругом следы полярных медведей.

На столе у епископа Дамаскина Священное Писание, история Церкви, жития святых. Он, прежде всего, православный монах и в своем вынужденном затворе продолжает искать Царствие Божие внутри себя. В письме от 28.1.1928 г. он пишет из Полоя! «Необходимо понять и то, что состояние этого Царствия Божия на земле совершенно независимо (подчеркнуто мною. Е.Л.) от внешних условий и форм общественной жизни, как и то, что плоды обладания этим Царством ощущаются каждым верующим также совершенно независимо от его материального и общественного положения и дают ему возможность жить в мире и радости среди лишений, унижений, испытаний. Этим объясняется тот мир и свет, коими претворяется горечь заключений и злоключений в радость у наших исповедников и та готовность на большие скорби, которая является результатом их скорбей.».

И дальше: «Для сына Царствия Божия, который уже «здесь» живет ощущением вечности, всяческие невзгоды человеческой жизни теряют свою остроту; не ранят его окружающие его терния, хотя он может (и должен) жить с постоянною скорбью о греховности мира. Однако, благодатный внутренний мир не покидает его никогда; благодатный свет в нем разгоняет окружающий его мрак и позволяет ему видеть (и показать другим) крупины добра там, где другие никак не усматривают, и за эти крупины любить иногда тяжкого грешника».

И как православный монах, епископ Дамаскин исполнен смирения и чувства собственного недостойнства. «Еще раз прошу вас Христом Богом не преувеличивать подвигов «исповедников» («так вы выражаетесь» Е. Л.), не возводить ненужных пьедесталов. Да не ослепляет никакой современный авторитет вашего ду-

ховного ока... *) Пастыри — это прежде всего окормители благодатию Христовой и проповедники Божьего Слова. Не своего, а Божия. Блаженны пастыри, кои сами, преисполненные благодатию, могут своей жизнью явить пример жизни во Христе. Но такая жизнь их есть та же проповедь. Каждый же должен ко Христу придти свободно и один Христос является нашим Учителем, истинным Пастырем, Совершителем нашего спасения. Не ждите от меня, грешного и убогого, ни новых слов, ни каких то особых призывов. Не собирайтесь я давать никаких вызовов, ни обязательных для кого либо решений... Я одинаково и здесь, и там буду скорбеть об общем неустройстве, разрухе, теплохладности всяких приспособленцев, об отсутствии людей духа и подвига, больше же всего — о своем грешном убожестве и недостойнстве»...

Ощущение вечности, смирения и сознания своего убожества, постоянная скорбь о греховности мира и внутренний мир, который разгоняет окружающий мрак — это то, что так характерно для всех светочей русского Православия. В этом умении сочетать аскетический идеал внутренней жизни, фаворский свет Православия с совершенно новыми, диаметрально-противоположными прежним условиями социально-политической жизни, даже с ожесточенной борьбой за Церковь при наличии прямого гонения на нее, вся духовная полноценность епископа Дамаскина. И вместе с тем его национальность — он не отрывается от церковных традиций Русской Православной Церкви, он только раздвигает рамки их применения и высоко поднимает Крест: если не «сим победиши», то за это положишь душу свою. По этому пути епископ Дамаскин идет дальше. Он видит не только греховность мира — он предвидит его гибель. Вот, что он пишет из Полоя 14. 1. 28 г.

*) Так написал епископ Дамаскин одному из своих почитателей, назвавшем его «исповедником», чего не допускал епископ Дамаскин по своему смирению.

«Полагаю, что самое правильное направление будет то, когда верные в настоящие мрачные дни свои личные скорби будут растворять в скорби за гибнущий мир, укреплять себя будут постоянным напоминанием себе предубаждений в Слове Божиим о неизбежности грядущих в мир тягчайших скорбей и сугубых для нервных бедствий.»

Параллельно с этим предчувствием гибели окружающего его мира епископа Дамаскина охватывает ощущение мрака надвигающегося темного царства. В письме от 14. 1. 28 г. из того же Полоя он пишет: «Будем создавать постоянным общением с Искупителем нашим вокруг себя благодатную сферу, способную изолировать нас от ужасного (говоря по опыту) ощущения темного царства и отражающую смертоносные волны этого царства.»

Но естественно, что это ощущение темного царства приводит к эсхатологическим настроениям. И в этом отношении епископ Дамаскин представитель своей эпохи. Вся предреволюционная эпоха отличается именно такими неясными эсхатологическими предчувствиями. Это сумеречные герои Чехова. Это «Некто в сером» Леонида Андреева, который держит в руке догорающую свечу человеческой жизни. Это нотки обреченности у Александра Блока, загадочная фигура, заключающая его революционную поэму «Двенадцать» — «Впереди — кровавый пес»... Не Антихрист ли это? А ослепленный инок, который символизирует судьбу Церкви еще в эпоху первой революции? Это зверинный лик, который видит Мережковский и в прошлом, и в настоящем. Но сильнее всего это у Владимира Соловьева в его «Трех разговорах» и пророческом стихотворении «Панмонголизм» Тихо на смену Вифлеемской звезде поднимается красная пятиконечная. Она тоже знаменует наступление другой эпохи, предвещает появление чего то нового на горизонте истории человечества. И не менее яркий пример обре-

ченности — последний русский император (см. Мемуары французского посла Палеолога).

После сумерок должна наступить ночь. Епископ Дамаскин и его современники вступили в полосу ночи.

Чуткий, восприимчивый епископ Дамаскин реально ощущает этот мрак и призывает противопоставить ему тот Свет, который дает христианство каждой верующей душе. Для него ясна «связь движения этих темных волн с остервенелым гашением большинства миротворительных очагов истинного литургического света». «И великое благо наше в том, что каждый верный, будучи носителем этого света в себе самом, не потеряется и не заблудится среди окружающего мрака. Только необходимо почаще приобщаться этого света». Такова в кратких чертах настроенность епископа Дамаскина в Полное. От времени до времени в его келию врывается струя советской жизни. Почта приносит письма, газеты, посылки.

«Вот я теперь получил ворох газет, разбираюсь... (14. 1. 28 г.) Слыхано ли раньше в истории такое настойчивое повторение тяжелых мировых катастроф, как это мы видим на протяжении нескольких последних лет! Удивительно ли, что народное сознание свяжет все это с новоявленной кометой (я наблюдал ее в первый раз на Николая — яркая голова с длинным прямым занесенным кверху мечом-хвостом). Для чего Ты, Господи, попустил нам совратиться с путей Твоих, ожесточиться сердцу нашему, чтобы не бояться Тебя? Обратись ради рабов Твоих», — часто взываю я вместе с пророком Исаией.»

Письма приносят вести о потрясениях, которые испытывает Церковь. Епископ Дамаскин содрогается. По поводу закрытия храмов в Нежине, он пишет короткое, но выразительное послание своей нежинской пастве: «Нежинцы, проснитесь же, встряхнитесь! Если липат вас последней святых душ ваших, какая жизнь будет ваша! Вы, бодрствующие, будите спящих! Сильные, поддержите слабых! Мудрые, открывайте глаза не-

видящим зияющей у ног их великой пропасти — пустоты! Где вы, ревнители Церкви и веры?»

Но епископ Дамаскин за полярным кругом, а там начинают опускаться руки, пустеют ряды пастырей, верующих. Пока дойдет до них призыв архипастыря, сколько храмов еще закроется, сколько пастырей уйдет, какой страх охватит малодушных! С берегов Енисея пристальный взор епископа Дамаскина через безпредельные снежные просторы устремляется к своей пастве, а в полумраке келии и в северном сиянии несется горячая молитва за погибающую духовную родную страну.

В один из зимних дней необыкновенное событие — кто-то едет... Это везут митрополита Кирилла Казанского в поселок еще севернее Полоя. Митрополит Кирилл значительно старше епископа Дамаскина, высокий, с большими светящимися голубыми глазами и длинной седой бородой. Он — ближайший преемник святейшего патриарха Тихона. Он — величайший авторитет в Русской Православной Церкви. В жизни митрополит Кирилл видел все: и пышные архиерейские богослужения в Исакиевском и Казанском соборах в Петербурге, и царские елки, и пасхальные приемы у царя. Экзархом Грузии он отдыхал на Новом Афоне, любовался Черным морем и субтропическими растениями. А потом — заключения, этапы, усть-сысольская тюрьма, где он сидел в одной камере с архиепископом Астраханским Фаддеем и их обоих заедали паразиты. Там они устроили заседание Священного Синода и запротоколировали обращение к верующим по поводу живой церкви — стоять твердо в истинной вере. И подписались, как испокон веков: «смиренный Кирилл, митрополит Казанский», «смиренный Фаддей, архиепископ Астраханский». Послали известным им верующим *)

Митрополит Кирилл переходил из одной ссылки в

*) Я получила.

другую. Однажды ему как будто, разрешили выехать в какой то более или менее приличный город в Ветлужском крае. Он отправил туда вперед услуживавшую ему и никогда его не покидавшую монахиню, а сам остался выполнить какие то формальности. Монахиня приехала в указанный город, подготовила помещение для митрополита. Ждет день, два, три — его нет. Немедленно едет с вещами обратно и по ужасным дорогам, по кочкам и по грязи отправляется догонять митрополита, сосланного уже на какой то остров среди озер и болот! Наконец, митрополита Кирилла везут в Туруханский край, почти на самый полюс. Какая встреча в Полюе! Упомянув о митрополите Кирилле в своем послании митрополиту Сергию, епископ Дамаскин добавляет: «если он еще жив». Через тьму полярной ночи из заполярного круга, может быть, в последний раз звучит голос митрополита Кирилла: «Дух святой, всегда в Церкви пребывающий, да ведет нас сквозь горнило нынешних тяжких испытаний, да никоим образом не умалимся частью нашего упования, ниже помыслом растворимся в окружающем нас лукавстве мира сего.» (см. послание митрополита Кирилла, епископу Дамаскину).

Это в XX веке! На Западе шумит джаз, гремит музыка, переливается колокольный звон... Открыты театры и кино, открыты и храмы. Но одинаково и легкомысленным, и глубокомысленным, и верующим, и неверующим безразлично, что творится на Востоке, за полярным кругом.

Неизвестно, был ли епископ Дамаскин знаком с митрополитом Кириллом раньше. Ясно только одно — что после встречи в Туруханском крае, они стали навсегда друзьями. Свое письмо епископу Дамаскину по поводу декларации митр. Сергия, митрополит заканчивает словами: «Простите и помолитесь о любящем Вас митрополите Кирилле».

Владыка Дамаскин и митрополит Кирилл принадлежат к тем, которые победили сатану кровию Агнца и сло-

вом свидетельства своего и не возлюбили душ своих даже до смерти, смерти же крестной. В своем послании митр. Сергию епископ Дамаскин пишет: «Мы уже побеждали, а Вы нам помешали»... Победа эта, или как называет ее епископ Дамаскин, «царский путь», которым шла Церковь до декларации, заключалась в самоотверженном исповедничестве всего духовенства до последнего. Это, очевидно, имел в виду и свят. патр. Тихон. При его жизни был составлен список местоблюстителей патриаршего престола, в который вошли буквально все епископы до самого младшего — тогда викарного Черниговской епархии епископа Стефана. Его так и называли: последний местоблюститель. Если такой список был составлен по распоряжению святейшего, значит, он имел ввиду исповедничество всех епископов без исключения. Еще масштабы большие, всероссийские, надо всю Церковь, всех верующих спасать от соблазнов.

Митр. Кирилл и епископ Дамаскин мыслят о той Церкви, к которой они принадлежат — старой Русской Православной Церкви — святейшего патриарха Тихона, корнями своими уходящей в тысячелетнюю историю нашей родины. Пришел час огненного искушения, как пишет митр. Мефодий: «...Надлежало и Российской Церкви, дочери ее, (древней Восточной Церкви), пройти огненное искушение, как говорит Апостол, и приобщиться страстям Христовым, чтобы возрадоваться, когда откроется слава Христова (1 Петра, гл. 4, ст. 12-13)... окропить себя мученической кровью пастырей и верующих чад своих, приобщиться к сонму избранников, о которых святой Тайнозритель говорит: «И тии победиша сатану кровию Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбиша душ своих даже до смерти (Апок. гл. 12, ст. 11)». (Брошюра митр. Мефодия об обновлении икон, стр. 115).

В Полное же застала епископа Дамаскина декларация митрополита Сергия. Насколько велико было произведенное ею на него впечатление, видно из того, что

епископ написал по этому поводу 150 писем. Отправить такое большое количество писем по почте было невозможно — они дошли бы не туда, куда предназначались. Поэтому епископ Дамаскин решил расстаться со своим единственным келейником (иподьякон уехал уже давно) и послать его с этими письмами в Москву, некоторые крупные города и на Украину, чтобы часть писем доставить лично, а большую часть опустить в ящики в разных городах. Епископ Дамаскин остается в своей заповедной келии один. Но всему приходит конец и пришел конец его ссылке.

ОТЪЕЗД ИЗ ПОЛОЯ И ЖИЗНЬ В СТАРОДУБЕ.

Перед епископом Дамаскином встал вопрос, что ему делать, как устроить свою дальнейшую жизнь? Вот, что он пишет по этому поводу уже из Енисейска 31. 10. 28 г.: «Мне очень желательно было бы, чтобы меня из Сибири и не пустили бы сейчас... У меня была мысль отправиться в кавказские горы но, оказывается, там сейчас производятся облавы на отшельников.» Со времени гражданской войны, а затем разгона Новоафонского монастыря на лесистых склонах кавказских гор нашли приют многие, которые не могли или не хотели подчиниться большевистской власти и войти в русло советской жизни. И опять-таки, по вековой церковной традиции монахи, изгоняемые из монастырей, уходят в пустынные места в поисках уединения от мира, особенно греховного и тягостного с тех пор, как он стал советским. Душа епископа Дамаскина раздваивается: с одной стороны, его тянет от мира, с другой — он не может остаться пассивным зрителем крушения самого дорогого для него — Русской Православной Церкви.

Из Красноярска 28. 11. 28 г. он пишет: «Выл у меня план остаться в сибирской тайге еще на 3 года, определенные мне после окончания туруханской ссылки. На Украину закрыт мне путь, как и в 99 других мест, выбирать приходится из немногого: или Сибирь, или центральные губернии. Сибирь показалась мне наиболее надежным убежищем в моем положении Однако, письма и телеграммы близких побудили меня изменить план и я сегодня выезжаю в г. Стародуб, Брянской губернии, куда «единодушно» приглашает меня духовенство. Ранее Стародуб входил в Черниговскую епархию. Склонило меня к поселению в России еще желание ближе познакомиться с положением, повидаться кое с кем. Хотя в Москву доступ также закрыт мне, но, может быть, проездом и там увижусь с нужными людьми. Много горечи впитал я за это недолгое время, когда лично наблюдал местную церковную жизнь Енисейска и Красноярска. Что же встречу в Москве и дальше? Господи, дай силы, дай разумение, чтобы не растеряться. Я уже начинаю чувствовать, что вряд ли я сумею остаться пассивным свидетелем развертывающихся событий церковной жизни... Но также и не сомневаюсь в последствии сего... Сильно рвусь я к свободной службе. Верю, что этим путем обрету устойчивость и мир. Милостию Божией здоров, бодр, но чувствую некоторое смятение. Простите!»

Письмо уже из Стародуба: «...На пути из Сибири я заболел настолько, едва добрался до Москвы, где и пролежал больше недели с начинавшимся воспалением легких. Болезни не дали развиваться и я добрался до Стародуба, где живу уже десять дней. До сих пор чувствую слабость. Сегодня приглашал врача и начинаю серьезным образом приводить себя в порядок. Удастся ли мне хотя бы на несколько месяцев устроиться здесь спокойно — Господь весть! На словах ХХХ (т.е. ГПУ. Е.Л.) обещает не интересоваться моим существованием.

Усматриваю промыслительность в своей болезни —

ведь иначе я не мог бы быть в Москве, теперь же я не только пожил там и повидался с нужными людьми, но еще имел продолжительную беседу с митрополитом Сергием. О результатах беседы скажу следующее: если издали я еще предполагал возможность данных, коими бы оправдывалось поведение его, то теперь и эти предположения рушились — теперь никаких оправданий у меня для митр. Сергия и компании нет!

Хотя я чувствую значительную слабость, однако, сегодня уже доставил себе радость служения в храме, завтра и послезавтра продолжу «духовное пьянство». Живу пока, как на вокзале. Как буду жить здесь — пока даже не предполагаю. Город Стародуб — сонно-покойный, беспорядочно разбросанный, с массой закоулков, чрезмерно интернациональный, но с массой зелени, садов. Жизнь недешева. Белого хлеба вовсе нет. Серого также не удается достать. Начинаю думать, что мое первоначальное намерение остаться в Сибири было правильно. Молю Господа об одном — чтобы Он не попустил мне разменяться на мелочи бестолковой будничной жизни, чтобы даровал мне укрепление здоровья для духовной работы для себя и других».

Поселившись в Стародубе, епископ Дамаскин не чувствует себя ни спокойно, ни твердо. Он все время в ожидании какой то перемены. 21. 5. 29 г. он пишет: «Получил приглашение от митрополита Серафима Ленинградского (Чичагова) быть его помощником и, разумеется, отказался, как и раньше от сергиевских предложений. Есть и другое предложение — от ссыльных отцов: приехать к ним в ссылку добровольно. Чувствую, что это было бы наиболее для меня безопасное местопребывание, но не хочется ни о чем просить «г.г.» («господ»)».

По своему обыкновению епископ Дамаскин проявляет кипучую энергию. Он видится с большинством своих друзей, ведет с ними и дружественными ему епископами деятельную переписку и готовит выступление про-

тив митр. Сергия. Делает он это после ряда колебаний, сомнений, стоит ли вообще обращаться к митр. Сергию с укоризненным посланием? Но деятельное начало в епископе Дамаскине берет верх над началом созерцательным, аскетическим. В письме от 17. 6. 29 г. епископ Дамаскин пишет: «Общее мое настроение в настоящее время совершенно бодрое, даже хочется большой бури, ктоорая если и сметет тебя, зато освежит атмосферу жизни для других. Отдаю себя спокойно размышлениям о возможной кровавой бане со стороны взбесившихся пигмеев, вообразивших было себя титанами».

Это настроение вызвано его наблюдениями над церковной и общественной жизнью. За те несколько лет, в течении которых епископ Дамаскин был оторван от нее, многое что было до того неясно, неощутимо, выкристаллизовалось, выплыло на поверхность и бросилось в глаза епископу Дамаскину. С ним произошло то, что происходило со всеми, насильно отрываемыми и выбрасываемыми за борт советской жизни: они становились зрителями, но не участниками мутного потока советской стихии. Умные и чуткие проникали духовный смысл совершавшегося. Ужасаясь, протягивали руки, чтобы остановить, задержать эту стихию, которая захлестывала, опрокидывала, смывала большинство духовных ценностей, накопленных веками. И не могли ничего сделать! Подчас они не узнавали своих близких, интимных друзей. Неумолимый марксистский закон: «бытие определяет сознание» оказывался сильнее их самоотверженных усилий. Будничная советская жизнь с ее непрестанным напряжением засасывала, поглощала и обезличивала личность.

Епископ Дамаскин чувствует «флюиды и тления», но не видит глубины проникновения этих флюидов и благоприятной для них почвы. Как большинство культурных русских людей, он продолжает считать, что это все только наносное, не имеющее совсем или мало корней. На фоне многовекового господства Православия

как то просматривали всегда современники подрывную работу в области духовных ценностей, которую с конца XVIII-го века усердно и кропотливо вели среди русского народа представители разных революционных и «вольтерьянских» (атеистических) течений. Не заметили, что посеянное пустило корни и дало крепкие всходы. Параллельно с Православием выросла враждебная ему сила. Русский религиозный мыслитель Н. Бердяев в статье «Демократия, социализм и теократия» высказал очень интересную мысль — что «в истории может наступить момент, когда все дурное, что есть в человеческой природе, именно, дурное, облекается в новую форму. И этой новой формой, воплощающей все дурное, что есть в человеческой природе, является социализм.» (Немецкий перевод). Может быть, было бы правильнее сказать не социализм, а большевизм — по крайней мере, это вполне соответствовало бы советской действительности.

Как воспринимает епископ Дамаскин то, что он видит? Сугубо церковно. Из Стародуба он пишет 23.12.28 г.: «Как чудовищно велико совершающееся ныне преступление — убийство детских душ! Есть ли у современных детей чистые радости? Теперь кажется вся атмосфера переполнена флюидами зла и тления. Теперь только сохраняющие в себе благодать Христову изолированы ею от влияния этих сатанинских флюидов».

И далее: «Поделюсь с вами еще тем своим убеждением, что весь смысл настоящих испытаний состоит в том, что пришло время очистить нашу жизнь, жизнь веры, жизнь Таинств Христовых от внешних наслоений. Слишком ясно стало, что для многих, особенно «теплохладных», внешняя форма религиозной жизни совершенно заменила сущность такой жизни, потому то и стал возможным тот внешний успех безбожников, коим хвастаются г. г. Рыковы да Луначарские. Что касается такого их успеха, то рассматриваю его так — успех их несомненен в деле развращения детского и юношеско-

го поколения. Успех этот обуславливается тем ужасающим насилием, которое и мыслимо только со стороны или явных преступников, или совершенно утративших всякие принципы и самую элементарную мораль (таковая свойственна даже животным). Не почитаю я прочным успех господ наших и в численной массе загнанных в скотские загоны бичами голода и всяких ущемлений. И последнего не было бы, если бы люди не перестали ранее быть человеками, не утратили в себе живой веры. Тот «отбор пшеницы», про который вы читали в других моих письмах, НЕОБХОДИМ, ибо, может быть, благодаря ему, возможно будет сохранить для мира истинное семя жизни. Общая картина окружающей меня жизни здесь та же, что, вероятно, у Вас там»...

А в своем послании митр. Сергию по поводу его декларации, епископ Дамаскин пишет: «Рассматривая настоящий скорбный путь российской Церкви в перспективе вечности, приходишь к проразумению высокого смысла всех настоящих испытаний. Угасание духа веры в массах, принижение спасительных идеалов в Церкви, забвение пастырями своего долга, умножение на этой почве беззакония и «иссыкание любви многих» не могли не привести к тяжелым последствиям. Во всяком организме угасание духа вызывает конвульсии. Слишком далеко стоим мы в нашей церковной жизни от заповедей Христа, от руководства учением святых Апостолов, от заветов святых отцов, мучеников и исповедников. Тяжкие скорби необходимы стали, чтобы хоть таким путем обратить наше внимание на великий грех призванных к святости носителей имени Христова... Но и еще не все сказал я Вашему Высокопреосвященству из того, чего ожидает от Вас Церковь, что почитает она долгом со стороны своего Предстоятеля»...

Епископ Дамаскин зовет на борьбу за душу народа: «Многим, может быть, покажется то требование страшным, однако, в декларации иерархов, приготовленной было для представления правительству в 1926 г.,

к сему частично было приступлено. И я, убогий, считаю, что Церковь не выполнила бы своего назначения в жизни, как хранительница евангельской правды, истины и любви, если бы не выступила со своим предостерегающим голосом против тех, проводимых новой культурой, идей, кои насильственно внедряются в жизнь и ведут народ к аморализации. Церковь может и должна указать, что все мероприятия советской власти, направленные, по-видимому, к благу народа, но строящиеся на основе полного вытравления из души нравственных принципов, являются постройкой на песке, ибо единственным зиждущим началом жизни является широкая любовь, а никак не насилие, злоба, ненависть, ведущие народ к одичанию и разложению. Идея устройства рая земного без Бога в небе и без совести в душе — больше похожа на гримасу сатаны. Церковь повелительным долгом своим почитает не отказываться от попыток возратить извращенное течение жизни к нормальному руслу. Опять таки, это может быть сделано в формах, совершенно приемлемых и потому не может быть рассматриваемо правительством, как акт контрреволюции. Ведь по существу власть уже давно убедилась в аполитичности Православной Церкви и жалкие фразы отдельных представителей ее о нашей контрреволюции являются лишь тактическим приемом низкого пошиба».

И боротся, как на войне — до последней капли крови! «В случае же, если советская власть, рассудку вопреки, будет упорно продолжать рассматривать Православие вообще, как контрреволюцию — ну, что же? Пойдем на Голгофу. Предварительно же Церковь должна выполнить свой долг перед миром и в этом направлении — выступить с авторитетным словом предупреждения к погибающему народу. Правда мира заколебалась. Ложь стала законом и основанием человеческой жизни. Слово человеческое утратило всякую связь с истиной, с Предвечным Словом, потеряло всякое пра-

во на доверие и уважение. Люди потеряли веру друг в друга и потонули в океане неискренности, лицемерия и фальши...»

Но принципы борьбы — христианские. «Но и к врагам своим мы не имеем права относиться иначе, как с сожалением, ибо «умножение беззакония» их всецело произошло вследствие «иссякания любви» и духа веры в христианах. Отсутствие ревности в христианах и твердого исповедания своей веры, может быть многих из врагов наших (конечно, не сознательно восставших на Духа Святого) побуждает искренно рассматривать христианство, как ханжество, а Церковь — как организацию эксплуататоров. Так же, обратно, отсутствие в нас христианской ревности может рассматриваться, как косвенная причина отхода от Церкви и гибнущих во тьме безбожия и злобе богоборчества. Разумеется, настоящее особенно злобное «восстание на Господа и на Христа Его» имеет иные, более глубокие извечные основания. Все же, если бы не произошло такого значительного угасания духа веры и любви среди верующих в предшествующий период, верные слуги князя тьмы не нашли бы среди нас столько добровольных и невольных пособников себе. В свое время на одном масонском съезде говорилось: — «Россия сохранила наиболее горячую любовь к нашему вечному Врагу и Он имя Которого не хочу называть, — Он выплет полчище Своих невидимых сил на защиту народа русского»... И было решено в противовес сему насаждать в России неверие.

Епископ Дамаскин не закрывает глаза ни на нравственное и духовное разложение народа, ни на упадок веры и разложение в Церкви. Глубокий мыслитель и мистик, он видел взаимодействие всех исторических и церковных фактов, которые привели к существующему церковному положению. В одном из своих посланий он прямо указывает, что немалую роль в упадке церковной жизни сыграл синодальный период, когда рука

государства особенно властно вмешивалась в дела Церкви. И все-таки, как было указано выше, он не учел самого главного: размеров этого упадка и разложения, как общего, так и церковного. Он зажег сердца многих, но масса, в которую обратился народ, осталась тем, чем она только и может быть — пассивной и инертной, движущейся в любую сторону, в зависимости от внешнего толчка, а не от внутренних побуждений. Если бы епископ Дамаскин в полной мере осознал размеры и глубину разложения, он значительно изменил бы направление своей деятельности. В тот момент гораздо легче было бы перейти на подпольную Церковь, чем после Соловков — среди духовенства было еще много искренних и стойких ревнителей Православия, изъятых советской властью в период пребывания его в Соловках.

Долгая изолированность епископа Дамаскина от советской жизни, оторванность от постепенного процесса советизации привела к недоучету им реального соотношения сил в окружающей его действительности. Оставаясь сам незыблемым, он просмотрел перерождение человеческой души в массу и ее опустошение. Эту душу переставили на другой путь — скользкий, оппортунистический, ведущий людей туда, куда их хотят привести смелые, ни перед чем ни останавливающиеся, посягающие на все ценности, моральные и материальные, вожди мировой революции. В репрессивных мероприятиях советской власти, помимо непосредственных результатов таился глубокий смысл. Между архиереями и священниками, томившимися в концлагерях и тюрьмах, и массой верующих, как бы твердо стоять в вере они не старались, выростала пропасть взаимного непонимания. Исповедники силились поднять верующих на более высокую ступень и приблизить их духовный уровень к своему. Масса верующих, отягощенная житейскими и семейными заботами, ослепленная пропагандой, наоборот, невольно опускалась. Призраками

грядущего золотого века сытости, полной свободы от всяких внешних и внутренних ограничений, подчинения человеку сил природы, заманчивыми перспективами, в которых фантазия переходила в науку (безболезненные роды, прямое сообщение с Америкой через Северный полюс, изменение климата Арктики, использование солнечных лучей и т. д.) большевики захватили в свои сети подавляющее большинство народа. Только отдельные личности могли сохранять приподнятость духа. Этим положением прекрасно воспользовался митрополит Сергей.

ЕПИСКОП ДАМАСКИН И МИТРОПОЛИТ СЕРГИЙ.

Пребывание епископа Дамаскина в Стародубе ознаменовалось энергичной борьбой его против новой церковной политики митр. Сергия, изложенной им в декларации от 19. 8. 27 г. Ряд посланий епископа Дамаскина и, в особенности, послание митр. Сергию по поводу его декларации исчерпывающе освещают причины этой борьбы. Резюмируя кратко их содержание, можно сказать, что причиной протеста против декларации внешнего порядка были — превышение митр. Сергием, только временным, а не полномочным заместителем митр. Петра, власти, присвоение себе всей этой власти без канонических на то оснований. Узурпацией власти митр. Сергей ставил под вопрос каноническую законность и действительность всех проведенных им меропрятий, начиная с декларации.

«Основу несправедной деятельности митр. Сергия вскрывает митр. Кирилл, указывая на узурпацию митрополитом Сергием непринадлежащей ему церковной власти. К сему необходимо прибавить еще то упорство, с каким от начала своей деятельности и до сих пор он

продолжает игнорировать мнение подавляющего числа иерархов, несогласных с его «курсом», как и голос возмущения верующих масс. Трудно сказать, что служит источником такого отношения — самообольщение ли «московского папы», или нечто более страшное. Одно несомненно, что такого рода деятельность митр. Сергия все более развивающаяся, служит к разрушению Церкви, к принижению ее достоинства и авторитета, к подрыванию веры в миротворительное дело ее.

Но основная причина внутреннего порядка заключалась в том, что ни епископ Дамаскин, ни митрополит Кирилл, ни сонм архиереев, находившихся в ссылке и концлагерях, не допускали возможности сотрудничества Православной церкви с советской властью. В послании архиепископа Пахомия и его брата епископа Аверкия это показано с исчерпывающей ясностью. Такое сотрудничество неизбежно должно было бы привести к самоуничтожению Церкви, к отходу ее от сущности христианского вероучения.

«Когда я раздумываю над деятельностью митрополита Сергия, мне вспоминаются слова предсмертного послания митрополита Вениамина: «Теперь нам надо оставить свою ученость, самомнение и дать место благодати». *) Со стороны митр Сергия мы видим как раз

*) Митрополит Петроградский Вениамин — один из выдающихся иерархов Православной Церкви. При царском режиме был викарием петербургской митрополии и выступил против Распутина. Безукоризненный монах и ученый, он выше всего ставил интересы Церкви. После февральской революции был единогласно избран епархиальным с'ездом митрополитом Петроградским вместо арестованного и уволенного ставленника Распутина митр. Питирима. Приговорен большевиками в связи с противодействием из'ятию церковных ценностей к расстрелу, но по распоряжению тов. Зиновьева, тогда главы петроградской коммуны, посажен на кол, причем предварительно его обрили, остригли, надели на него лохмотья, чтобы палачи не знали с кем меют дело. Об этом сообщили епархиальному архиерею из Петрограда.

обратное этому завету священномученика. Он и сам закрывает глаза на грозную опасность, перед коей поставлена наша Церковь, и других отвлекает от должного приготовления себя к этой опасности. Вместо того, чтобы быть выразителем истинного церковного сознания, коим еще прежде покаянного возвращения в Церковь митр. Сергия *) был определен путь ее дальнейшего шествования и выявлена воля не уклоняться от определенного ей свыше крестного пути, митр. Сергий трусливо прячется от неизбежных при прямом шествовании скорбей и предается врагам Церкви, ради сохранения внешнего благополучия и других влечет по тому же пути».

В самом деле, почему митр. Сергию понадобилась легализация и он не мог — ограничиться, как настаивали епископы-исповедники, в том числе и епископ Дамаскин, декретом об отделении Церкви от государства и на этой основе вести переговоры и вступать в соглашение с советским правительством?

Первые годы после революции преследование Церкви носило характер физического уничтожения, но до появления обновленчества никаких попыток вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви не делалось. Советская власть рассчитывала на классические для диалектического материализма «внутренние противоречия», своего рода «классовую борьбу», которая по ее идеологии, непременно должна возникать всюду — и в том числе и в Церкви — между черным и белым духовенством, между архиереями и священниками, на борьбу за власть, за церковные доходы.

Но она упустила из вида, что решающим фактором

*) При образовании «живой церкви» митр. Сергий был одним из первых, перешедших на ее сторону. Когда обозначился ее провал, как и обновленчества, в котором он играл немалую роль, митр. Сергий покаялся и вернулся в ряды Православной Церкви. Епископ Дамаскин отмечает, что митр. Сергий не очень торопился распрощаться с живоцерковничеством и обновленчеством.

в случае возникновения подобных конфликтов, (а такие попытки со стороны некоторой части белого духовенства были) являются верующие. Верующие всегда становятся на сторону епископов уже просто в силу почитания епископского сана. А тем более в советских условиях, когда епископы большую часть своей жизни проводили в тюрьмах и концлагерях и были, так сказать, первоочередными жертвами советского террора.

Предоставив, якобы, свободу религиозным высказываниям, советская власть надеялась вызвать появление расколов духовного порядка, свободомыслия внутри Церкви. Но ничего подобного не случилось. Несмотря на расстрел многих епископов, заточение патриарха, закрытие храмов, разгон монастырей — несмотря на жестокие преследования и уменьшение количества верующих, церковная жизнь расцвела таким пышным цветом, каким она не цвела, может быть, последние столетия. При всех храмах выросли сестричества, обслуживавшие храмы и занимавшиеся благотворительностью, в особенности заключенного духовенства, крепкие приходские советы, защищавшие храмы. Устраивались сборы на заключенных, духовные концерты, духовные беседы, лекции, всенощные моления. Соборы и оставшиеся еще монастырские храмы, в которых совершалось уставное богослужение, всегда были переполнены. Освобожденная от внутренней опеки государства, очищаемая преследованиями, Церковь вздохнула полной грудью. Ей не страшны были гонения и не ущемляло лишения материальных благ. Верующие из своего скудного бюджета всегда нашли бы средства для содержания не только духовенства, но и духовных академий, если таковые были бы дозволены. Церковь становилась государством в государстве и духовная сила ее выигрывала. Авторитет духовенства, находившегося в ссылках и заточениях, был неизмеримо выше авторитета духовенства в царское время, находившегося в других условиях. Епископ, пользовавшийся для своего пере-

движения извозчиком, трамваем или даже ходивший пешком, привлекал больше почтения со стороны верующих, чем в царское время разъезжавший в карете. Обыкновенно верующие на дворе, на улице ожидали своего архипастыря, провожали его до извозчика, до трамвая, а то и до убого жилища. Если епископ сидел в тюрьме, он получал такое количество передач, что не только кормил свою камеру, но передавал и в другие. Стоило пройти слуху об ожидающемся освобождении, как к воротам тюрьмы собирались верующие, гденибудь по близости пристраивался верующий извозчик, чтобы в нужную минуту торжественно подъехать: «Благословите, владыка, доставить Вас домой»!

Советская власть спохватилась и параллельно с внешним требованием пошла на вмешательство во внутренние дела Церкви, на воздействие на ее духовную жизнь. Впоследствии это вмешательство в духовную жизнь народа стало очередным лозунгом одной из пятилеток: «уничтожение пережитков капитализма в сознании людей». Первой попыткой в этом направлении было насаждение обновленчества. После его провала следующим этапом явилась декларация митрополита Сергия.

Вот это посягательство именно на внутреннюю жизнь Церкви под видом легализации, размеры и границы которого нельзя было предвидеть, а цель была ясна, явилось причиной горячего протеста, в частности епископа Дамаскина.

«То, что принимается Вами под названием «легализации», в сущности является кабальным актом, не гарантирующим для Вас решительно никаких прав, на Вас же налагающим тяжкие обязательства. Иного и ожидать было наивно. Коммунистическая власть откровенна и последовательна. Она открыто заявила себя враждебной религии и государственной целью своею поставила уничтожение Церкви... Она не перестает открыто и ясно заявлять о своих богоборческих задачах,

как через представителей высшего правительства, так и через своих мелких агентов. Поэтому весьма наивно и даже преступно думать, что так называемая «легализация» со стороны советской власти хоть частичной целью своею поставляет благо Церкви. А если цель легаризации не благо, то значит, зло.»

Легализация осталась на бумаге с первых же дней после опубликования декларации митр. Сергия. Епископ Дамаскин рисует непосредственные результаты декларации, очевидцем которых, несмотря на кратковременность пребывания на свободе он был.

...«Не могу чувствовать себя спокойным в Стародубе,» пишет епископ Дамаскин 21. 5. 29, «от того, что здесь из двух храмов лишь один в руках обновленцев, ибо сразу чувствовал в сем лишь временное явление, раз общая картина показывает иное. Мое предположение не обмануло меня: вчера (т. е. 20. 5. 29 г., а декларация была опубликована, повторяем, 19. 8. 27 г. Е. Л.) получено распоряжение о закрытии сразу четырех лучших храмов и даже о разборке лучших из последних. Точно также ясно для меня, что и на этом не останутся. Советский обман с декларацией в 1929 г. был уже совершенно очевиден.»...

...«Вам временно, только временно, оставляются храмы и «легализация» не гарантирует сохранения их за вами», пишет епископ Дамаскин присоединившемуся к декларации духовенству. «Уже у многих «легализованных» общин отняли последние храмы. Свобода церковно-приходской жизни, даже в мелочах, крайне стесняется отделами по ликвидации культов. Ваши епархиальные управления, в сущности, являются отделениями тех же отделов культа и связаны множеством открытых и тайных предписаний. А ведь отделы культов являются учреждениями определенного направления. Система удушения духовенства путем квартирных утеснений и непомерных налогов все больше уточняется. Весьма часто

«легализованным» архиереям вашим не позволяют служить, где им желательно. Система обложений и штрафов, система перезаключения договоров (на пользование храмами. Е. Л.), перерегистраций, направлена всецело к тому, чтобы выдавливать из верующих деньги и деньги. Система регистрации духовенства на Украине рассчитано ставит духовенство на одну доску с уголовниками-рецидивистами.»

...«Неужели вам не приходит в голову то, что даваемые вами сведения ничего общего с церковными интересами не имеют? А не мелькнула ли у вас мысль о том, что если эти требования отчетности немного углубить, да вы будете добросовестно их выполнять, то верующие с отвращением отвернутся от вас, как открытых агентов охранных органов, тем более, что сами власти постараются выставить вас именно в таком свете? Особенно крепко пораздумайте над тем, что настоящая ваша легализация в планах объявившей войну Церкви власти является ступенью к превращению всех вас в таких же покорных слуг по разрушению Церкви, какими являются в руках власти безусловно все обновленцы»...

«Нам кажется, что митр. Сергий поколебался в уверенности во всемогуществе Всепреодолевающей Истины, во всемогущество Божию, в роковой миг, когда он подписывал декларацию. И это колебание, как страшный толчок, передалось всему телу Церкви и заставило его содрогнуться... Неисчислимы, бесконечно тягостны внутренние последствия декларации — этой продажи первородства Истины за чечевичную похлебку лживых и неосуществимых благ. Но, кроме внутренних потрясений, конечно, она будет иметь и другие последствия, более очевидные и осязаемые».,,

Мистически глуб^{же} всего оценивает епископ Дамаскин внутреннюю сущность декларации в своей ~~статье~~ статье «Печать Христова и печать Антихристов», хотя совершенно не упоминает о ней.

«Почему же антихристова печать, как в том уверяет нас св. Иоанн Богослов, будет накладываться не на чело и на руку одновременно, а на чело или на руку? Также и у св. Андрея, арх. Кесарийского: «Постарается он, чтобы на всех наложено было начертание... частью на правой руке, чтобы научить оболыщенных быть дерзновенными в оболыщении и тьме. Это произойдет потому, что в то время найдутся люди, которые будут уверять, что можно и дозволительно признание боготорческой антихристовой власти, лишь бы в душе оставаться христианином. От таких Антихрист и не будет требовать, чтобы они разделяли его образ мышления, т. е., иначе говоря, всем таким он не будет накладывать печать на чело их, а станет требовать от них лишь признания своей власти, что и есть по св. Ипполиту — печать на руке, так как через признание человеческой власти, которая будет богопротивна, боготорна, незаконна и наполнена всяким нечестием, христианин тем самым отсекает от себя всякую возможность делания благих и правых дел, ибо в его вере отсутствует главный признак правости — исповедание Бога Богом и признание Его выше всех стоящим Существом. Все такое, хотя и будут носить имя христиан, на самом деле представляют собою, по делам рук своих, истинных слуг Антихриста, оболыстивших их поклонением своему образу, что и есть начертание зверя. Покаяние для таких, по учению св. Церкви, невозможно, а невозможно оно потому, что Печать Христова и печать Антихриста несовместимы с собой и принятие одной отгоняет наличие другой. Отгнание через начертание зверя Благодати Святого Духа наполнит сердца всех таких первым признаком — боязливостью, которая приведет их к легкой гибели. Св. Ипполит пишет: «Наоборот, если кто бывает лишен Духа Святого, т. е., если кто не имеет на себе или потерял печать дара Духа Святого, даруемого во святом миропомазании, тот боязливо борется со страхом, скрывается, настоящей временной смерти стра-

шится, прячется от меча, не выносит наказания, так как постоянно думает об этом мире» и т. д.

Вот в чем суть, подчеркиваем: «Через признание человеческой власти, которая будет богопротивна, богоборна, незаконна и наполнена всяким нечестием», — иными словами, в наше время советской власти, — христианин тем самым отсекает в себе всякую возможность делания благих и правых дел, ибо в его вере отсутствует главный признак правости — и с п о в е д а н и е Бога Богом и признание Его выше всех стоящим Существом. Все таковые, хотя и будут носить имя христиан, на самом деле представляют собой, по делам рук своих, истинных слуг Антихриста, обольстивших их поклонением своему образу, что и есть начертание зверя. «Печать Христова и печать Антихриста несовместимы с собой и принятие одной отгоняет наличие другой» — иными словами — Православие, всякая религия и коммунизм несовместимы, потому что одно исключает другое.

И в этом епископ Дамаскин солидарен с митрополитом Кириллом. В послании митр. Кирилла епископу Дамаскину при всем его церковно-юридическом характере тоже есть несколько слов, указывающих на внутренне неприемлемую для него сущность декларации митр. Сергия: «Ни от чего святого и подлинно церковного я не отделяюсь, страшусь только приступить и прилепиться к тому, что признаю греховным по своему происхождению»... Несомненно, это намек на воздействие ГПУ, побудившее митр Сергия написать декларацию и обусловившее ее содержание.

Не только в истории Православной Церкви, но и Католической мы видим примеры, когда внешнее, казалось бы никакого отношения к внутреннему не имеющее, на самом деле оказывалось от этого внутреннего неотделимо с ним органически связанным. Пример из истории Русской Православной Церкви касается реформ

патриарха Никона и упорства старообрядцев. Что отстаивали старообрядцы? Двуперстное крестное знамение и ошибки, вкрапившиеся в текст богослужебных книг, втечении многих веков переписывавшихся от руки — чисто формальные признаки, букву. При этом букву, форму старообрядцы отстаивали с исповедническим фанатизмом — вплоть до самосожжения на кострах. Это было почти три века тому назад. Кто жил на Волге в наше время, де революции, мог убедиться, что в фанатической приверженности букве таился глубокий духовный смысл.

До сих пор никто так не придерживается церковных традиций, как старообрядцы, причем именно не буквы, а духа. Их благотворительность в царское время разливалась широкой рекой по всему Поволжью. Это старообрядцы-купцы строили странноприимные дома (в Нижнем Новгороде Бугров), это они устраивали поминальные обеды, на которые приглашали 200-300 нищих, розговыны на Пасху для неимущих. Старообрядцы не курят, нравы их отличаются особой чистотой и благочестием. В советское время на Украине один старообрядческий священник ходил к своему прихожанину с наставлением до тех пор, пока тот не освятил свой гражданский брак венчанием в храме. Этот же священник всегда требовал от своих прихожан, чтобы в день его посещения их по случаю праздников Рождества Христова, Крещения, Пасхи и т. д. у них перед иконами горели лампы. Он и мысли не допускал, чтобы из за страха перед советской властью старообрядцы могли снять и спрятать иконы, не возжигать перед ними лампад. А для этого надо было иметь большой запас гражданского мужества. Опять формальное и внешнее, — но как связано с внутренним!

В истории Католической Церкви мы находим пример по своей идеологической сущности совершенно идентичный декларации митр. Сергия. Это гражданское устройство католического духовенства в начале фран-

цузской революции — 1791 г. Оно тоже привело к делению французского духовенства на две части — правых и левых, либеральных и контрреволюционных, и к использованию либеральной части духовенства для политических и «патриотических» целей, как агитаторов и пропагандистов новых идей. Руководитель этого церковного речения в Католической Церкви поэт Грегуар, видный политический деятель, избранный по новому закону епископом Блоа, так формулировал свои обязанности пастыря в одном из писем: «Я отвечаю перед Богом за сохранение в моей епархии христианского благочестия, чистоты нравов и преданности Республике!» А в послани к пастве он пишет: «Не допускайте на свои политические собрания нечистые отбросы, которые хотели бы заставить вас пожалеть об отвратительных временах королевской власти. Кто не любит Республику, тот плохой гражданин своей страны, а, следовательно, и плохой христианин». *)

Если в советское время поводом к разделению духовенства и верующих послужила декларация митр. Сергия, то во времена французской революции таким поводом послужила совершенно невинная, казалось бы, присяга, которую должны были принести католическое духовенство в верности народу, закону и королю, тогда еще не низверженному, но уже не свободному в своих действиях. И в том, и в другом случае суть заключается в признании и верности революционной власти. Ни догматы, ни каноны не только не нарушаются, но даже не затрагиваются. А между тем, и тогда, как и теперь, для части духовенства и верующих это оказалось настолько неприемлемым, что они готовы были даже пожертвовать своей жизнью, но не присягать или не признавать присягнувшего духовенства.

Прикосновение носителей церковного сознания к

*) A. Gazier "Studes sur l'histoire religieuse revolution francaise", стр. 117, 129 (Библиотека рейхстага).

политике, строящейся на принципах революционного насилия и материалистического мировоззрения, участие в ней, содействие ей не могут не осквернять священнослужителей, поскольку революционная политика, в конечном счете, ведет всегда и везде к преследованию христианства и замене его псевдорелигией — материализмом.

Поэтому вполне естественно, логично и последовательно всем своим внутренним существом, своим мистическим подсознанием епископ Дамаскин не мыслит и не воспринимает какого бы то ни было соглашения с безбожной советской властью. Он не может забыть пролитой исповедниками крови, оскверненных и разрушенных святынь, посягательства на душу народную, ее растление, и протянуть руку палачам безбожникам. Это свыше его сил.

ЕПИСКОП ДАМАСКИН И МИТРОПОЛИТ ПЕТР.

Кто же, в конце концов, мог решить вопрос по какому пути вести корабль: по пути святейшего патриарха Тихона или митр. Сергия? Этот спор между «тихоновцами» и «сергианцами» мог решить только митр. Петр, канонический заместитель святейшего патриарха. Дисциплинированный, ни на йоту не желающий отступить от канонов, епископ Дамаскин мечтает о том, чтобы раздался голос митр. Петра и прозвучал на всю Православную Церковь.

«Ви видите», пишет епископ Дамаскин своим друзьям, «что при известных условиях я сам могу отойти от митр. Сергия. Однако, я мыслю тогда достаточные канонические основания отхода... Можно открыто и настойчиво протестовать против беззакония предстоятеля, но через то самим не нарушать церковных канонов. Я в

числе других тоже протестую, (кое чего уже добился), ставлю под вопрос законность власти, допускающей беззакония, однако, все время я ощущаю под ногами своими твердую почву канонического основания, с коего я ни на минуту не желаю сходить».

Но митр. Петр в глухой деревушке Хо Обдорского района Тобольской области. Как до него добраться? Написать письмо и послать по почте? В лучшем случае, оно не дойдет... Поехать лично? Задержат по дороге. Остается одно: послать к митр. Петру доверенное лицо передать ряд документов, иллюстрирующих положение в Церкви, письмо с просьбой сказать свое слово и привезти ответ в той форме, какую митр. Петр сочтет наиболее приемлемой. Замысел чрезвычайно трудно осуществимый! Прежде всего, нужны большие деньги.

«Пишу, чтобы предупредить вас о том, что вас посетит дьякон К. — ему я поручил нечто доверительное сообщить вам»... «Доверительное» было устроить по местным церквям среди сочувствующих идее епископа Дамаскина сбор на посылку гонца к митр. Петру. С этим поручением дьякон К. объехал несколько городов. Однако, этот план епископа Дамаскина встретил мало сочувствия среди уцелевшего до того времени рядового духовенства. Митр. Сергей своей декларацией был выразителем не только своего мнения, но и части духовенства. Чувство страха, жажда личного покоя, борьба за существование своей семьи и будущее своих детей побуждали одних представителей духовенства признать декларацию митр. Сергея, причем делали они это подчас вполне искренно — во имя миража спасения Церкви. Других эти же чувства побуждали не замечать декларации, проходить мимо нее, углубляться в приходскую жизнь, насколько это было возможно, не заглядывать даже в ближайшее будущее. Устав от непрерывного напряжения, создаваемого для духовенства советскими условиями жизни, священники становились равнодушными ко всему и хотели только одного —

спокойного существования хоть недолго, сегодня, завтра, а там — что Бог даст! Поскольку идея епископа Дамаскина нарушала их покой, она не могла встретить сочувствия у большинства духовенства.

Тем не менее, в распоряжении епископа Дамаскина оказалась настолько большая сумма денег, что он мог, не теряя времени, выслать гонца. Был уже май месяц. Учитывая климатические условия местопребывания митрополита Петра, с этим делом надо было спешить.

...«Паломник наш уехал раньше получения посылки. Дольше я не мог его задерживать. Помолитесь там, чтобы Господь благословил мое начинание. Я представил туда полную картину самого разнообразного материала, послал и копии сергиевских распоряжений и обращений. Ответа можно ждать лишь в августе»... (Письмо от 21. 5. 29 г.)

...«Паломник наш благополучно все сдал, уже вернулся с ответом пока на словах, а на бумаге получится вскоре. Все, мною посланное, оказалось там совершенной новостью. Сразу ответа нельзя было послать по обстоятельствам чисто внешнего характера. Посланный говорит, что после ознакомления дедушка (так условно митр. Петра называет епископ Дамаскин), говорил о положении и дальнейших выводов из него почти моими словами»...

Друзья епископа Дамаскина, видевшиеся с ним после возвращения посланца, рассказывали, что он с трудом добрался до той глухой деревушки, где находился митр. Петр. Чего стоило одно сознание, что в советских условиях его могли проследить по дороге, захватить, раздуть дело о широкой контрреволюционной организации в Церкви с террористическими целями! А приехав на последнюю станцию, как добраться до деревушки, находящейся в 200 километров от железной дороги, не возбуждая при незнании дороги опасений? Не менее трудно было, уже попав в деревню, разыскать в ней митр. Петра. Никто из местных жителей, инород-

цев и дачников, не предполагал, что старый больной монах, ютившийся в углу избы среди многочисленной семьи хозяина — Предстоятель, когда то могучей и пышной Православной Церкви.

Посланец застал митр. Петра совершенно больным. Остаться в деревне и ждать ответа было бы опасно и для посланца, и для митр. Петра. А внимательное прочтение и изучение 22 документов и принятие по ним решения требовало времени — и сил, коотрые у митр. Петра уже угасали.

Замечательно, что, несмотря на всю бдительность охранных органов советской власти, посланцу епископа Дамаскина все таки удалось проскользнуть незамеченным и не навлечь беды ни на себя, ни на пославшего его епископа.

Со все растущим напряжением ожидал епископ Дамаскин ответа от митр. Петра. «За последнее время», пишет он, «я сознательно воздерживался от переписки, не желая толочь воду в ступе. Со дня на день жду решающих вестей...» Дни бегут один за другим, монотонные и серые, ни один светлый луч не проникает через советскую оболочку. Подъем духа у епископа Дамаскина сменяется упадком.

...«Впрочем, чего, собственно, я жду?» — так пишет он в октябре. «Я прихожу к мысли, что даже решительное слово МП (митр. Петра) не изменит существенно положения, ибо сущность совершающегося великого греха немногим понятна. Может быть, правильно оставить всех в спокойном неведении творимого греха... Мне начинает думаться, что главнейшей нашей задачей должна быть поставлена задача о внутреннем укреплении самих себя, о накоплении в себе духовных сил, о приуготовлении себя к горшим испытаниям»... (Письмо от 5. X. 29 г.).

Митр. Петр голос из своей ссылки не подал. Старинной знакомой из X..., с которой он изредка обменивался открытками, а еще реже письмами он написал

иносказательно, что в наше время нашелся благородный рыцарь, который хотел бороться против царящего в мире зла... Но даже по причинам фактического характера митр. Петр не мог ответить. Если бы митр. Петр послал свой ответ по почте, он не дошел бы, т. е. он дошел бы не до епископа Дамаскина. Послать когонибудь вторично было опасно, тем более, что над головой самого епископа Дамаскина уже начали сгущаться тучи. Также возможно, что митр. Петр, не зная, кто из высших иерархов на свободе, и не мог принять определенного решения. Наконец, этому решению митр. Сергей мог бы и не подчиниться, не признать его подлинность. Это только ухудшило бы раскол. Был момент, когда митр. Кирилл освобожденный, приехал в Москву и хотел принять от митр. Сергия управление Церковью, но тот его к управлению не допустил. Митр. Кирилл был немедленно арестован и уже окончательно исчез с церковного горизонта.

А, может быть, и митр. Петр испытывал чувство безнадежности перед все заливающим злом и предал руководство Русской Православной Церковью в руки Божии, подобно тому, как это сделал арх. Серафим Угличский после своего краткого заместительства. Еще при жизни святейшего патриарха Тихона митр. Петр во время своей первой ссылки в европейских пределах страны передал через одного юношу, *) случайно встреченного им, незапечатанную записку для вручения святейшему патриарху. В этой записке было краткое приветствие святейшему по случаю избавления его от цепких рук масонов. Попав окончательно в их цепкие руки, митр. Петр не ждал ни избавления, ни пощады, как для Православной Церкви, так и для себя, ее Предстоятеля.

Епископ Дамаскин обыкновенно писал свои послания под копірку в нескольких экземплярах и посылал друзьям. Каждому из них поручалось переписать от

*) Лично мне знакомого Е. Л.

руки или на машинке тоже под копирку несколько экземпляров и разослать по приложенным адресам. Адреса были самые разнообразные: тут была и Сибирь, и Кавказ, и Украина, и Урал — все концы Советского Союза. Эта деятельность епископа Дамаскина — последняя вспышка его неутомимой энергии. Затем последовал перелом и переход на подпольную Церковь после окончательного отхода от митр. Сергия.

ГРАД БОЖИИ ЕПИСКОПА ДАМАСКИНА.

В чем заключается этот перелом? В возвращении к мысли, которой руководился епископ Дамаскин, будучи еще иеромонахом: путем терпеливой и длительной проповеди среди тщательно избранных, в условиях домашней обстановки, уединенной келии и т. д. создать крепко спаянное церковное братство искренно преданных идее Православия верующих, маленькую Церковь, которая тем не менее была бы заметна на поверхности общественной жизни, чем глубже пустила бы корни в сердца людей. *) Тогда это было в предвидении исполнения предчувствия Владимира Соловьева. Теперь — на основании фактов.

...«Те «чада Божии», что не пали под напором сатанинского урагана, не расшиблись обломками великого крушения, ясно сознают положение и совершенно спокойно и уверенно возьмутся за создание истинной Церкви Христовой на сохранившемся фундаменте Ее, без излишней нервности, без ненужных сетований, ибо самый процесс их строительства и составляет весь смысл жизни их... Приступите непосредственно ко святому

*) Еще иеромонахом епископ Дамаскин проводил эту мысль, что пришло время, когда надо перейти к наставлению каждого человека в отдельности.

строительству и сразу обретете и мир, и ясность души, и покой, и предведение. Помните, что строителями Церкви являются не одни священнослужители, а все верующие, все стремящиеся ко Христу. И наш путь ко Христу по преимуществу выражается этим строительством. Самое же строительство состоит в том, что мы сами себя полагаем кирпичиком святого здания Церкви Христовой, яже есть Тело Его. Если наше внутреннее составляется из Любви Христовой, наши мысли, чувства и воля цементируются Благодатию Христовой. Если мы сознательно этот свой кирпичек будем полагать на основание Церкви для дальнейшего строительства, то Сам Наздатель Вселенной укажет для него место, так что никакие бури уже не сдвинут, не свергнут его. Перед лицом происшедшего великого разрушения, повидимому, каждому из нас надлежит начинать возведение здания от фундамента его. Пример первых строителей дает нам определенные формы такой работы. Продумайте их, ближе познакомьтесь с ними у Апостолов, св. мучеников и исповедников, по писаниям святых отцов того периода.

Епископ Дамаскин обращает мысли своих друзей и почитателей к временам мучеников и исповедников, потому что после тысячелетней истории христианство на Руси отброшено к временам до Константина великого, к временам Нерона, Диоклетяна...

«Понесем свои собственные кирпичики на незыблемый фундамент Христовой Правды, Божественной Истины, вечного спасения. Без многословия, без громких фраз создавайте сначала маленькую ячейку из немногих лиц, стремящихся ко Христу, готовых начать осуществление евангельского идеала в жизни своей. Объединяйтесь для благодатного окормления вокруг кого либо из достойных пастырей и займитесь каждый в отдельности и все сообща к приготовлению себя к все большему служению Христу... Объединение хотя бы нескольких лиц такой жизни уже являет маленькую Церковь — Те-

ло Христово, в коем обитает Дух и Любовь Христова»...
...«Если мы не соделаемся членами Тела Христа, храмом Духа Его Животворящего, то Дух этот отойдет от мира, и страшные судороги умирающего мирового организма будут естественным результатом сего»...

Пламенный архипастырь епископ Дамаскин не допускает возможности стояния мира без христианской Церкви. Впрочем, эту мысль высказывал не один епископ Дамаскин. В сознании верующих в условиях советских гонений на Церковь эти два понятия: гибель христианства и кончина мира были неразрывно связаны друг с другом. Во время одной из ссылок епископа Дамаскина талантливый и ревностный проповедник архимандрит Антоний произнес в день памяти преп. Антония Печерского, одного из основателей Киево-Печерской лавры, в честь которого он был назван, горячую проповедь на тему: «Семя свято — стояние мира». В ней он тоже развивал эту мысль — не может мир стоять без Бога и без Христа.

Епископ Дамаскин верит в победу христианства... «Ваши рассуждения об утре и вечери христианства неправильны, ибо как бы исключают наличие дня. Я иначе смотрю на положение. Назначение Церкви — постоянная борьба, посему то она и называется «Церковью воинствующих», воинствующих с «князем мира сего», т. е. со всем тем, что всяческими путями и средствами принижает дух человека, привязывает, как бы смешивает его с материей, постепенно заглушает в нем небесные зовы, лишает его возможности даже восчувствовать свою истинную природу, истинное назначение его в жизни в мире сем, даже ожесточает его против Света Вечного каковой уже здесь для оземлившегося духа становится болезненно мучительным, почему и происходит восстание против Света, усилия загасить остающиеся лучи Его в мире сем. Все это вмещается в одно слово — зло. Пока происходит сознательная борьба с этими условиями жизни в царстве князя мира сего,

со злом, до тех пор и продолжается день Христовой Церкви, коему надлежит закончиться не сразу еще и после падения царства Антихриста. Радостно сознавать, что только этот Свет обладает животворящим свойством бесконечно создавать, возжигать новые светильники Света среди тьмы, повидимому уже все собою покрывшей. Поэтому пусть временно тьма покрыла землю (от часа шестого до часа девятого), пусть светильники некоторых Церквей сокрыты под сосудами, дабы не быть загашенными сатанинским вихрем, как у большинства, — малое время покоя от Господа (может быть даже время, когда тьма возомнит свое дело уже завершенным) и светильники откроются, соединятся, зажгут множество иных, загашенных было светильников, сольются в великий пламень веры, который при попытках загасить его, будет лишь больше возгораться, ибо много угасших и восчувствовавших муку мрака и холода тартара предпочтут лучше сгореть на костре пламени веры, чем вновь погрузиться во мрак. Возможно, что это будет тот момент, который прикровенно указан под образом «тысячелетнего царствования со Христом».

Вот эти «светильники под сосудом» и старается зажечь епископ Дамаскин в ожидании победы Света над тьмой, призывая каждого искренно верующего стать кирпичиком этого божественного здания. А Церковь в сознании епископа Дамаскина доминирует над всем и мыслится им именно, как Вселенская Церковь всех времен и всех народов (конечно Православная. — Е. Л.)

И это тоже характерная черта русского Православия: носители православного сознания, представители русской поместной Церкви не представляют иначе Церковь, как вселенскую, всеобъемлющую, все вмещающую. И при этом епископ Дамаскин мыслит эту Церковь вселенскую непременно воинствующей.

...«Как мировая организация, стирающая всякие национальные и классовые перегородки и уравниваю-

щая всех в высоком звании чад Божиих, — Церковь мыслит в своем составе всяческие человеческие организации и государства, сама же не должна принижаться до убогих и несовершенных форм человеческого управления, а, наоборот, должна поднимать несовершенные человеческие организации до высоких идеальных степеней совершенного взаимоотношения, в духе Евангельской любви и братства. Церковь должна простираться над всем человечеством, как небо — для всех близкое и объединяющее.»

Но это так в мечтах. А в советской действительности в тот момент? ...«Итак, нас меньшинство... Что же? И надо отступить пред натиском воинствующего безбожия? Да не будет сего! Как бы мало нас ни было, вся сила Христовых обетований о неодолимости Церкви остается с нами. С нами Христос — Победитель смерти и ада. История христианства показывает нам, что во все периоды обуревавших Церковь соблазнов и ересей носителями истины церковной и выразителями ее являлись немногие, но эти немногие огнем веры своей и ревностным стоянием в Истине постепенно зажигали всех... Тоже будет и теперь, если мы — немногие — выполним свой долг перед Христом и Церковью Его до конца.»

«Безбоязненное исповедание веры и упования своего и твердое стояние в церковных установлениях — является убедительнейшим возражением на сергианский уклон, и несокрушимой преградой направленным на Церковь враждебным силам, «Не бойся же, малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство. Аминь.»

Уже в этот период своей жизни в Стародубе, епископ Дамаскин постепенно приучает своих друзей и последователей к мысли, что христианство вынуждено будет уйти в подполье, чтобы сохраниться в чистоте и нетленной красоте духа. Чем дольше он живет на свободе, тем больше рассеиваются его иллюзии относительно возможности влиять на широкие слои народа, ког-

да-то как будто еще так недавно, называвшегося «богососцем». Но окончательно созревает эта мысль в Соловках. Забегая вперед, надо сказать, что оттуда он приехал убежденным сторонником отхода от митр. Сергия и перехода на поллугальное, а затем и подпольное существование Православной Церкви.

Какая перемена декорации! Какой контраст! В XIX веке на подпольное существование были обречены только что зарождавшиеся разные революционные партии, в XX веке — Православная Церковь! Но перемена социально политической обстановки на миросозерцание епископа Дамаскина и других лучших представителей православной иерархии не отражается. И как бы мало ни было верное стадо епископа Дамаскина, но он стоит с ним непоколебимо до конца!

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ССЫЛКИ ЕПИСКОПА ДАМАСКИНА

В ноябре 1929 г. епископ Дамаскин снова арестован. На этот раз одним из главных обвинителей его в контрреволюции был ставленник митр. Сергия — стародубский благочинный, ревностный сторонник декларации. А местом ссылки — Соловки. Там епископ Дамаскин встретил многих своих единомышленников, с которыми ранее был знаком только по переписке. К сожалению, в этот период переписка с епископом Дамаскиным была очень затруднена — письма не доходили, ответы не получались. Выпущенный в 1934 г. на свободу епископ Дамаскин об этом своем пребывании почти ничего не рассказывал, кроме того, что голод заставлял находившихся в Соловках собирать на берегу моря ракушки (всякого рода улитки), чтобы как нибудь утолить его. Это был период проведения коллективизации сельского хозяйства и вызванного ею острого голода.

Что можно было послать епископу Дамаскину и другим исповедникам, если стакан самой дешевой крупы — пшена стоил на базаре 7 рублей? А хлеб вообще был лакомством. К тому же, этот голод сопровождался острой безработицей.

И еще одно рассказывал епископ Дамаскин: отдохнуть от окружавшего его «бедлама» он уходил в лес. А там, как рассказывали другие ссыльные того же периода, его заставляли коленопреклоненным, погруженным в глубокую молитву.

Повидимому, опыт жизни в Стародубе и тесное соприкосновение с миром концлагерей, (по сравнению с которым даже Полой казался раем), где политических смешивали, а подчас и подчиняли уголовным, наложили глубокий отпечаток на дальнейшее направление мыслей епископа Дамаскина. Он уже уклоняется от широкой деятельности, не пишет длинных посланий, обращенных к широким кругам верующих. Он убедился, что в условиях советской действительности и общего разложения возможна только подпольная Церковь. А самое главное, он увидел массовый отход от религии, успех антирелигиозной пропаганды, растущее вширь и вглубь безбожие. Надо было спасать уже не большинство, а меньшинство.

Верующие 1934 г. — это малое стадо, это не званые, но избранные. И надо думать об устройении этого малого стада. Из киевских священников вокруг епископа Дамаскина еще до Соловков группировались три лучших из еще оставшихся на свободе священников: духовник Покровского монастыря о. Димитрий И., прекрасный проповедник и молитвенник, о. Анатолий Ж. тоже и о. Андрей Б., особенно непримиримый, который впоследствии привез сведение о мученической кончине епископа Дамаскина. После ареста этих трех священников вскоре появился четвертый непримиримый из провинции. Он долго искал такую общину, какой была общи-

на о. Анатолия Ж. и поэтому не застал на месте не только епископа Дамаскина, но и ни одного священника из группы его единомышленников. Тихий, спокойный новый о. Димитри Ш. в беседе со своими новыми прихожанами (им удалось устроиться в маленьком храме, который еще не был закрыт, а священника там не было), он пояснял: надо следить за собой, за своими словами, а особенно мыслями, а то, если чтонибудь не так, начнешь служить литургию, что то не то получается... Так высок был духовный уровень священников, последовавших за епископом Дамаскиным, потому что декларации митр. Сергия, помимо канонического, они придавали и мистическое значение. Признать декларацию значило поклониться покоряющему все царства мира и тем самым лишиться той благодати, дать место которой завещал священномученик митр. Вениамин в своем предсмертном письме. Таково малое стадо, которое застал епископ Дамаскин в последний свой приезд в Киев. Он объезжает знакомые города, навещает своих единомышленников, ищет новых...

Между прочим, он посещает в Киеве одного видного киевского протоиерея, профессора киевской духовной академии, молитвенника, популярного среди верующих, ряды которых значительно поредели — не только вследствие отхода от веры, но и пребывания в концлагерях. Оно зовет этого протоиерея к своей маленькой пастве. Протоиерей наотрез отказывается — он не пойдет в подполье, он останется в крошечной церковке в старинной колокольне, подле перестроенного под что-то большого храма и будет жить в каморке там же. У него приход, он посвятил себя молитве и своих прихожан призывает к тому же. Он уже лишен всего — и квартиры, в которой прожил почти всю свою жизнь, и большого храма, и всех прав — кому он еще нужен? И вспоминает указ митр. Агафангела о приходах.

Почему то отказ этого протоиерея производит на епископа Дамаскина потрясающее впечатление. У

приютившего его священника (о. Димитрия Ш., устроившегося в маленьком частном доме) с ним делается сердечный припадок. Неужели до сих пор — а уже со времени издания декларации прошло больше шести лет — не ясно, что вместо «легализации» Церкви усиленными темпами идет ликвидация Церкви? На что еще надеяться? А между тем, уцелевшее до того времени духовенство и часть верующих продолжают надеяться на что-то, когда уже надеяться не на что. Разве зло может выдохнуться? Наступившая вскоре волна ежовского террора захватила и этого протоиерея-профессора. Больной, едва державшийся на ногах (ему тогда было лет 75-76), он был арестован и через несколько дней умер в тюрьме от кровоизлияния. Шофер, возивший трупы из НКВД на кладбище, вероятно, верующий, узнал его труп и под секретом сообщил об его смерти родным.

Как раз в этот момент, предшествовавший ежовскому террору, митр. Сергей принимает титул «блаженнейшего» и по церквам отдается распоряжение прекратить поминовение митр. Петра. Приэтом совершенно не упоминается о том, умер ли митр. Петр или просто «в виду долгого отсутствия» уволен на покой. Никто ни о чем не спрашивает, ни во что не углубляется. Трещины в видимом здании Церкви становятся все опаснее и опаснее, здание сотрясается, кажется, вот-вот рухнет. И в это время более, чем уместно вспомнить о катакомбах.

Друзья епископа Дамаскина и почитатели стараются держать втайне его местопребывание. Но как уберечь владыку, который не снимает рясы, не обрезывает свою длинную бороду, не теряет за столько лет архиерейскую осанку и с архиерейским посохом ходит «инкогнито» по Киеву, когда ему запрещено вообще показываться на Украине! Он не умеет прятаться. Он мыслит так: «Все мы вменихомся яко овцы на заклание!» Епископ Дамаскин явно отходит от митр. Сергея и дает распоря-

жение о. Димитрию возносить его имя за богослужениями. Другим владыке удастся убедить прекратить это возношение. Священника умоляют словами: «Не бо врагом Твоим тайну повем»... Он идет к владыке и получает от него разрешение не поминать.

Еще раньше вскоре после выступления митр. Сергия епископ Дамаскин мыслил о судьбе Русской Православной Церкви в образе двух апокалиптических церквей: Филадельфийской и Лаодикийской. Церковь свят. патр. Тихона — это Церковь Филадельфийская: «И Ангелу Филадельфийской Церкви напиши: ...Ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего»... «Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Моего, и имя Мое новое»... (Откр. св. Иоан. Богослова, гл. 3, ст. 8. 13)

И рядом с Церковью Филадельфийской — церковь Лаодикийская — митр. Сергия. «...И Ангелу Лаодикийской Церкви напиши: «...Советую тебе купить у меня золото, огнем очищенное, чтобы Тебе обогатиться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазной мазью помажь глаза твои, чтобы видеть». (Откр. св. Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 18).

Из Туруханска в свое время епископ Дамаскин писал друзьям о странном сне, который повторился три раза в течении ночи, будто бы потухло солнце, потемнело небо на котором видна осталась только «сковородка» луна, замирает жизнь на земле, люди и животные бредут, не зная куда и что делать... «Неужели неужели»... писал епископ Дамаскин, не договаривая свою, тогда казавшуюся такой страшной, мысль, к которой мы начинаем привыкать, «гаснет Солнце христианства»? Недаром в одном из своих посланий он писал о «движении темных волн». Теперь он вспоминает и свой сон, и «движение темных волн», во время своего последнего пребывания в Киеве. Это все надвинулось вплотную!

Епископ Дамаскин заповедует своим последовате-

лям, по возможности, не работать на государственной службе. Кто может шить, пусть работает на дому. Кто может заниматься каким либо другим ремеслом, пусть старается заниматься им так, чтобы жить христианской жизнью и удаляться зла «Блажен муж, который не идет на совет нечестивых». Лучше довольствоваться меньшим, но сохранять свободу духа».

В воздухе чувствуется гроза — это 1934 г.! Преддверие ежовского террора. Кто знает, не сметет ли он последних служителей алтаря! Епископ Дамаскин учит, что, может быть, настало время, когда Господь не хочет, чтобы между Ним и верующими стояла Церковь, как посредник, а каждый человек призван стать непосредственно перед Господом и отвечать Ему за себя сам, как это было при праотцах! Пусть каждый помнит об этом и на этом строит свою жизнь!

Он посещает некоторые города своей бывшей епархии, свою родину, Киев. Он точно прощается со святынями, разрушение которых уже предрешено. Не раз проходит он мимо Михайловского монастыря, уже давно закрытого, исковерканного, но все еще сияющего своими золотыми куполами. Мимо Софиевского собора, обращенного в антирелигиозный музей, где на престоле, покрытым красной материей красуются портреты Ленина и Сталина и выделяются на фоне старинных фресок. О чем мечтать, проходя мимо? Можно только вспоминать мерцающие в полумраке перед святынями лампы, яркий свет зажженных во время богослужений паникадил, запах ладана, стройное пение, скользящие фигуры монахов и церковнослужителей. Это все ушло, ушло, может быть, навсегда!

Мимо этих святынь проходят равнодушные или враждебные им люди, кипит другая жизнь... В ней нет места религии, молитве. И нет места служителям Христа!

Осенью этого года епископ Дамаскин уже арестован. Но какая разница с предыдущими годами — ни-

каких передач, ни пищи, ни одежды, ни денег! Никаких записок! Кто исчез за воротами тюрьмы, тот вычеркнут из жизни навсегда.

Через много месяцев доходят слухи о том, что Епископ Дамаскин на этот раз в каком то колхозе Казахстана, работает бухгалтером. Сначала хотели поставить колхозным агрономом, но НКВД не разрешил — не должен епископ Дамаскин иметь возможность общаться с людьми. Медленно, кружным путем доходят слухи, как с разными этапами гоняли епископа Дамаскина на север, потом оттуда на юг. Притом в таких условиях: отстающих от этапа пристреливают на месте. С ним — его любимый духовный сын. о. Иоанн См., в свое время блестящий священник, прекрасный проповедник, исповедник, полуобезумевший после первой ссылки — так нещадно избивали его там, преимущественно по голове. О. Иоанн не мог идти... Епископ Дамаскин сбросил котомку со своими вещами, отдал их какому то верующему и взвалил о. Иоанна на плечи... Так двигались они на север. Ничего не дошло о том, что случилось дальше с о. Иоанном и каким путем попал епископ Дамаскин с севера на юг. Вести вообще перестали доходить. Последний — в 1935 г. о том, что в Казахстане епископа Дамаскина арестовали опять и отправили в Сибирь. После этого — гробовое молчание. Ничего не доходило.

Как страшный смерч, рассеивает ежовский террор друзей епископа Дамаскина в разных концах Советского Союза. Никто из верующих вообще не уверен не только в завтрашнем дне, но и в сегодняшней ночи. Церкви пустеют, толпы около тюрем без надежды ожидающих что то увидеть или услышать растут. «Черный ворон» без окон с железными дверьми на запоре беспрерывно носится по улицам всех городов. Уцелевшие до того времени архиереи и священники, конечно, уже из признавших декларацию митр. Сергия, изымаются, увозятся и исчезают. Остаются только «проверенные»

священники в ничтожном количестве. Страшно, душно, темно...

Волна террора спадает. Из уст в уста передается с далекого севера через бежавших монахов, легенда о кончине епископа Дамаскина. Его вместе с очередным этапом везли на далекий север. Где то на берегу великой сибирской реки глубокой осенью ждал паром. В последнюю минуту привели еще одного священника, одетого в легкий подрясник — в таком виде его взяли, в таком и повезли. Епископ Дамаскин снял с себя верхнюю рясу и со словами «у кого две одежды, дай неимущему», закутал в нее священника. Но надорванное здоровье не выдержало стужи, он тут же на пароме, на котором этап должен был ехать несколько дней, умер.. Тело его завернули и опустили на дно великой сибирской реки.

Это одна легенда. Не будет ничего удивительного, если с именем епископа Дамаскина окажется связанной не одна легенда. Есть другая версия его кончины, может быть менее красивая сама по себе, но еще большими страданиями завершившая круг его исповеднической жизни. Ее привез келейник, бывший с ним в Полое. Слышал он эту версию от отбывшего ссылку священника подпольной Церкви епископа Дамаскина. Этот священник бежал из ссылки, обстриг свои длинные волосы, сбрил бороду и усы, приобрел чужой паспорт, появился в одном из крупных городов Украины и поступил в медицинский институт. Вместе с тем, он тайно священствовал. Так было до начала войны. Когда началась вторая мировая война, желая скорее освободиться от большевиков, он проехал в Белую Церковь, к которой приближались немецкие войска. Но там его узнали, арестовали и расстреляли. Не суждено было о. Андрею Б., замечательному священнику, вырваться из цепких рук врагов христианства и поведать миру, что творили с христианством и его носителями «освободители человечества». Впрочем, его могли бы не понять, как не по-

няли многое из того, что поведали другие свидетели!

Вот его версия о кончине епископа Дамаскина. Его заключили в одну из сибирских тюрем. Из общей камеры перевели в штрафную одиночку — без окон, без освещения. На полу этой камеры — замерзшая вода, стены покрыты инеем. Очевидно, епископа Дамаскина посадили в нее в «наказание». За что? За молитву? За проповедь? За неосторожное слово против мучителей? В этом холоде и мраке, может быть даже без пищи, продержали епископа Дамаскина, пока он не получил отморожение ног третьей степени и не началась гангрена... Трудно представить без ужаса эти страшные дни Гефсиманского томления епископа Дамаскина. В тюремном лазарете епископ Дамаскин скончался об общей гангрене на почве отморожения ног.

ЗАВЕЩАНИЕ ЕПИСКОПА ДАМАСКИНА.

Епископ Дамаскин любил приводить ст. 27, 28 и 29 гл. 1-й послания св. Апостола Павла к филиппийцам, которое было написано им в узах. Но весь конец этой первой главы подходит епископу Дамаскину:

27. Только живите достойно благовествования Христова, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единомысленно за веру евангельскую,
28. И не страшитесь ни в чем противников. Это для них есть предзнаменование погибели, а для вас — спасения. И сие от Бога,
29. Потому что вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за него,
30. Таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне.»

В этих словах св. Апостола Павла смысл жизни и подвига епископа Дамаскина и завещание своим последователям, — тем, которые ради Христа не устроятся ни Полоя, ни Соловков, ни самой крестной смерти.

Епископ Дамаскин завершил свой крестный путь длительными страданиями во мраке и холоде... Никто из немногочисленных уцелевших почитателей епископа Дамаскина не знает, где покоится его прах, были ли его останки облечены в монашеские одежды, не говоря об архиерейском облачении, или просто завернуты в рогожу. Погребли ли его в отдельной могиле, или в братской, может быть, с другими исповедниками? Или опустили на дно реки, в ледяные недра тундр, в яму с уголовными преступниками? Это все покрыто мраком неизвестности.

Ничего не дошло и о том, в каких страданиях закончил свою жизнь митр. Петр, митр. Кирилл, митр. Серафим Угличский и множество других архипастырей, долгие годы томившихся в концлагерях и тюрьмах. Неизвестно, где их прах нашел последнее успокоение, был ли совершен над ними обряд погребения по чину Православной Церкви... После тысячелетней истории, Русская Православная Церковь оказалась отброшенной к временам до Константина Великого — к временам каткомб.

В XX веке русские православные у себя на родине присутствовали при восхождении своей Церкви на Голгофу, ее распятии, крестной смерти, положения во гроб до Светлого Воскресения по воле Божией. Весь остальной мир, пока еще называющийся христианским, прошел мимо подножия креста, на котором распята Русская Православная Церковь, равнодушно, холодно, подчас даже с насмешкой — как проходили книжники и фарисеи. Никто не протянул губку, чтобы утолить ее предсмертную жажду. Никто не обвинил ее чистой плащаницей, не принес благовоний. Это не сделал ни один из восточных патриархов, которых всегда так щедро ода-

ривало русское государство. Для них Москва действительно была «Третьим Римом», поддерживавшем их морально, материально и политически. Ни патриарх Константинопольский которому уместно было бы вспомнить, что РПЦ берет свое начало из Византии и, как верная дочь, в свое время поддержала Константинопольскую в ее человеческом споре с Римской. До верующих Советского Союза доходили неясные слухи о том, что, будто бы, один из вселенских патриархов, кажется, Константинопольский, признал обновленцев. Какое оружие дал он им этим в руки! Что, будто бы, другой вселенский патриарх — Иерусалимский — готов признать обновленцев из материальных соображений! И не слышно было, чтобы ктонибудь из них возвысил голос в защиту православных исповедников. Если не хватило христианского мужества на это, в нашем оскудевшем христианском мире, то хоть громко бы молились за них!

В Европе не сумели понять простой вещи: трагедия Русской Православной Церкви — начало трагедии всего христианства. Наступление на христианство ведется с двух сторон, тиски сжимаются. На идеологическом фронте исподволь проводится искусная работа по подмене христианства антихристианством, пользующимся христианскими и церковными терминами и формами для вящего успеха большевистской пропаганды. Для этой же цели провозглашается даже совместимость коммунизма с христианством — вопреки «догматическим» утверждениям классиков марксизма об их несовместимости. Человечество устало от двух мировых войны, постоянных социальных потрясений, холодных войн, каких то угроз, грозящих всему миру...

И вместе с тем, мы являемся свидетелями разложения церквей, не подвергавшихся гонениям, не вызванных никакими внешними толчками, как например, развала католической церкви в полном смысле этого слова. Правильно кто то сказал, что католическая церковь капитулировала без борьбы. После опубликованного не-

давно нового катехизиса католической церкви ничего больше о ней сказать нельзя. Скованные догматом папской непогрешимости, ни верующие, ни духовенство не могут возражать, выступить против реформ Второго Ватиканского собора, подписавшего собственный конец! Католичество до нашего времени сохранило все: свои святыни, все накопленное веками богословское богатство, свои замечательные готические соборы, бесчисленное количество памятников искусства. Но дух угас и светильник церкви погас.

Русская Православная Церковь уже пятьдесят лет несет крест исповедничества и молитвами ее великих исповедников нашего времени врата ада ее не одолеют. В краткой случайной беседе архиепископ Николай Охридский по поводу русского исповедничества сказал: «В настоящее время у престола Всевышнего голоса русских заглушают все остальные»!

Современное положение Русской Православной Церкви на родине освещено в выступлении двух московских священников и в брошюрах прот. Д. Константинова о религиозном сопротивлении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло около полустолетия господства коммунистов на обширной территории бывшей воликой России. Во всем мире наступила новая эпоха, несравнимая ни с одной из предшествующих. На историческую арену выступили новые государства до сих пор мало известных материков Африки, Азии Южной Америки. Новые государства вырастают в Австралии и Новой Зеландии, до сих пор мало заметных колоний бывшей могущественной британской империи. Увеличивается такой же до сих пор мало заметной колонии — Канады. Во всем мире происходит перетасовка стран. И буквально по всему миру рассеяны русские эмигранты. Если посмотреть на карту полушарий, окажется, что почти нет стран, во всяком случае заметных в международном масштабе, где бы не было православных храмов. Это особенно заметно в пасхальный период, когда печать разных стран отмечает русскую пасху и идет оживленный обмен взаимными приветствиями. Иначе говоря, октябрьская революция привела к распространению Русского Православия.

Однако в сознании верующих всех стран расширяется понятие о Церкви. Церковь становится надгосударственной, наднациональной. Нет никаких преград для Церкви, воистину она врата небесныя. Верующие могут быть гражданами любых стран и членами одной церкви, которая из национальной своим исповедническим подвигом переросла во вселенскую. За эти 50 лет количество русских исповедников должно было превысить уже давно миллион. Нет в истории христианской эры другого примера такого продолжительного и беспощадного преследования, как преследование советской

власти. Миланский эдикт забыт или даже совершенно уже неизвестен нашим современникам, в особенности бунтующей молодежи. Мы живем в эпоху послемиланского эдикта, который точно отменил Ленин своим декретом об отделении Церкви от государства! Как ни стараются замаскировать преследования православных, все таки так или иначе, на одном языке или на другом они становятся известными.

В романе «Братья Карамазовы» иеромонах Илья говорит: «не Церковь перерастает в государство, а государство — в Церковь». Это то, что произошло в России. Проф. Зернов в статье о церковном возрождении в России перед революцией говорит, что Всеросс. Церк. Собор 1917-18 гг. совершенно очистил Русскую Православную Церковь от всех исторических наслоений периода имп. Петра Великого и к моменту октябрьской революции Русская Православная Церковь была в том состоянии, в каком находилась в период «святой Руси». Тем более что в период царствования последнего Царя прославлено много новых святителей и угодников Божиих, до того не отмеченных Церковью и только подготовлявшихся к прославлению. К моменту революции Русская Православная Церковь оказалась духовно подготовленной к исповедническому подвигу и великим скорбям.

«Если мы не можем ответить на все вопросы (обращаются к неверующим. Е. Л.) то имейте в виду: Церковь, ее отцы и учителя могут ответить на все вопросы, потому что им дано знать тайны Бежии. Помните, что 12 Апостолов завоевали весь мир, потрясли основы существовавшего тогда политического строя, заложили основы новой мировой эпохи, завершением которой мы являемся свидетелями и современниками. А Церковь возвышается над всеми обломками эпох, царств, отдельных народов. Чем больший круговорот событий бурлит вокруг нас, тем выше поднимает она светильник веры, чтобы люди увидели этот единственный маяк спасения и приникли к нему. Потому что нет другого пути, нет

другого света, прибежища и скалы, несокрушимой никакими бурями! Только Церковь, где бы мы ни находились, чем бы ни занимались, какие скорби нас ни посещали! «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них!» Церковь всюду, она охватывает нас, как воздух, она напоет нас водой и утоляет нашу жажду, отзывается на наши нужды, протягивает руку помощи! Для нас Церковь должна быть всем! Если чтонибудь за оградой Церкви нас смущает, помните, что это не от Церкви, а извне проникшее!» *)

В главе 7-й Откровения Иоанна Богослова ст. 14 упоминается о тех, которые пришли от «великой скорби»: Они омыли свои одежды и убелили одежды свои кровью Агнца. За это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них... и отрет Бог всякую слезу с очей их.» Это православные XX-го столетия.

Русская Православная Церковь переросла государственные и национальные границы и постепенно распространяется по всему миру таким же путем как начало христианства во времена Апостолов. Вселенское Православие!

Е. Л.

*) К великому сожалению, вероятно из за недостатка времени, не успела отметить, откуда взята эта цитата и кто автор.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строчка	Напечатано:	Следует:
34	22 сверху	старого	строгого
36	выноску внизу	следует читать:	Напечатан текст
	более расширенный	чем был напечатан	в парижском
	Церковном Вестнике.		
46	9 сверху	жестких	жестоких
52	6 сверху	нервных	неверных
60	6 снизу	«флюиды и тления».	«флюиды зла и тления».
76	выноска внизу	Studes	Etudes
76	7 сверху	речения	течения
99	9 сверху	Увеличивается такой...	Увеличивается значение такой...
99	последний абзац	Однако	Одновременно